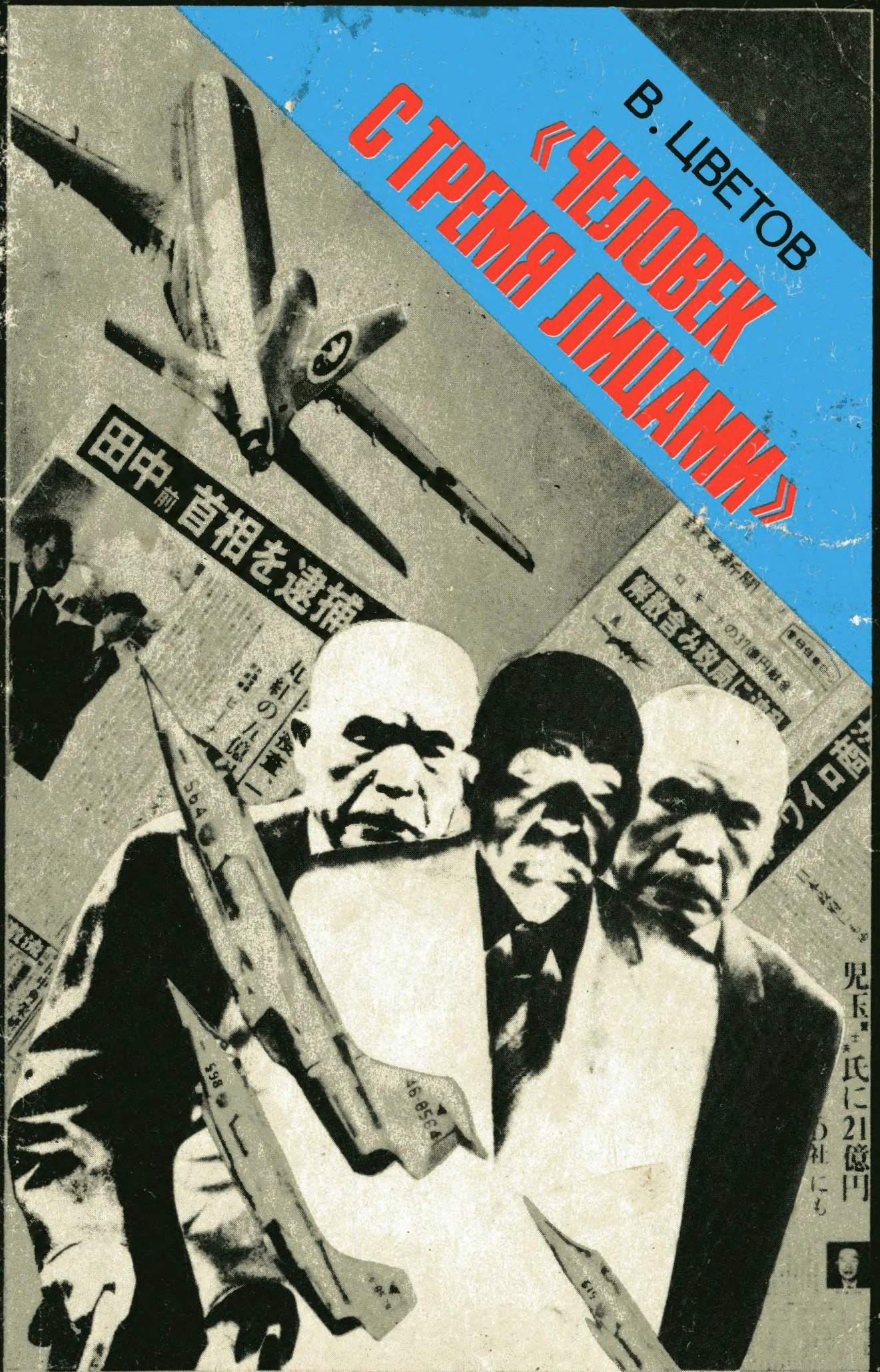

Владыки капиталистического мира

В. ЦВЕТОВ
«ЧЕЛОВЕК
С ТРЕМЯ ЛИЦАМИ»

Владыки
капиталистического
мира

«ЧЕЛОВЕК СТРЕМЯ ЛИЦАМИ»

В. ЦВЕТОВ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1978

33И

Ц27

Ц $\frac{11105-246}{079(02)-78}$ 191—78

© ПОЛИТИЗДАТ, 1978 г.

Суд в Токио

— Я, Ёсио Кодама, родился 18 февраля 1911 года в городе Нихонмацу префектуры Фукусима в семье самурая Хэйдзо Ямада, принявшей впоследствии фамилию Кодама...

Традиционным установлением личности обвиняемого начался 2 июня 1977 года в Токио «суд века», как называли в Японии процесс по делу о взятках, которые через Ёсио Кодаму получали высшие японские государственные деятели и ведущие дельцы от американской авиастроительной корпорации «Локхид».

Это был и в самом деле необычный суд. Подсудимый соизволил явиться в зал судебных заседаний после изряда вон выходящей 460-дневной проволочки, объяснив ее болезнью. Суд не послал к обвиняемому своего врача — тактичность, которую невозможно и вообразить, если к судебной ответственности привлекается, скажем, профсоюзный активист за участие в забастовке. Кодама соблаговолил предстать перед судьями не более чем на сорок минут, и те безропотно согласились, словно в зале № 701 Токийского районного суда предстояло не разбирательство противозаконных действий крупного преступника, а встреча с капризной «звездой» кинематографа или эстрады. Кодама предупредил, что только сидя станет отвечать судьям. И снова — кроткое согласие. Кажется, потребуй Кодама, чтобы судьи сами вставали во время чтения обвинительного заключения и допроса, и они подчинились бы.

— Я не предпринимал никаких шагов и никому не давал денег, чтобы содействовать продаже в Японии само-

летов корпорации «Локхид». — Голос Кодамы звучал повелительно и ровно, будто в кресле председателя суда восседал он, а люди в длинных черных мантиях находились на скамье подсудимых. — Поскольку я не получал от корпорации «Локхид» тех сумм, какие указаны в обвинительном заключении, весьма удивляет, что мне предъявлено обвинение в неуплате налогов. — В голосе Кодамы появились нотки праведного негодования. — По этой же причине я отвергаю и обвинение в нарушении закона о валютных операциях.

На галерее для публики началась какая-то возня, и Кодама сделал паузу. Юнец с повязкой вокруг головы — красный диск солнца на белом фоне, — взобравшись на стул, демонстрировал приемы борьбы «карате». Из-под повязки, с какой в годы второй мировой войны отправлялись в последний полет летчики-смертники — камикадзе, судей сверлили ненавидящие глаза фанатика. Служитель в униформе шагнул к юнцу, намереваясь призвать его к порядку, и остановился: навстречу ему поднялись с мест широкоплечие, по-солдатски остриженные парни в черных полувоенных кителях — члены фашистской банды, в которой Кодама был идейным вождем и повелителем. Кодама скривил рот в короткой ухмылке. Воздев глаза к потолку, словно призывая в свидетели небо, он продолжал тоном человека, оскорбленного незаслуженным подозрением:

— После того, как в феврале 1976 года в США обнародовали сведения о моих связях с корпорацией «Локхид», меня обложили огромным штрафом якобы за неуплату налогов и наложили арест на принадлежащую мне собственность. — Бульдожье лицо Кодамы выразило глубокую обиду. — Меня, прикованного болезнью к постели, допрашивал следователь. — Кодама сгорбился, беспомощно уронил на грудь голову. У судей должно было разорваться сердце от жалости. — Я подвергался грязным публичным нападкам и не мог лечь в больницу, хотя находился в критическом состоянии. И вот теперь, — Кодама тяжело вздохнул, — я предстал перед судом, обвиненный в уголовном преступлении. Но я не требую извинений за обиды и клевету. — Кодама обвел зал взглядом мученика. — Я вытерпел все в надежде, что суд непременно установит истину.

Есио Кодама входит в здание
Токийского суда.

Кодама поднялся, опершись на темно-вишневую трость. Отпущенные им суду сорок минут истекли. Поддерживаемый под руки телохранителями в полувоенных кителях, он вышел из здания суда. Презрительно оглядел толпу репортеров, нацеливших на него сотнями теле- и фотообъективов. Степенно сел в длинный, как дредноут, черный лимузин и в сопровождении нескольких автомашин с охранниками-фашистами направился домой, в район фешенебельных вилл Тодороки.

Так завершилась первая сцена финального акта грандиозного скандала, именуемого «делом Локхида».

А начался скандал 5 февраля 1976 года сообщением газеты «Асахи». «Ревизор американской авиастроительной корпорации «Локхид», — указывалось в сообщении, — заявил в подкомиссии сената США по делам межнациональных корпораций, что корпорация наняла японца, который ранее обвинялся в военных преступлениях, в качестве своего секретного агента и выплатила ему миллионы долларов, доставлявшиеся в Японию наличными и в чеках. Суммы были столь огромны, что для транспортировки денег потребовались ящики».

Сообщение потрясло Японию, хотя, казалось, японцев трудно было чем-то удивить — так велико число финансовых преступлений и политических злоупотреблений, свидетелями разоблачения которых им пришлось быть за немногие последние годы. Возможно, скандал не выплеснулся бы за рамки обычного и, как правило, небогатого судебными вердиктами расследования, если бы японцем, получавшим доллары ящиками, не оказался Ёсио Кодама. Со временем Япония узнала имена еще шестнадцати политических деятелей и дельцов, которые при посредстве Кодамы брали у корпорации «Локхид» взятки. В числе их бывший премьер-министр, бывшие министры и их заместители, депутаты парламента, руководители крупнейших компаний, но главной фигурой скандала является Кодама — военный преступник, ультраправый лидер, закулисный политический воротила. «Человек с тремя лицами» — так окрестила его японская печать.

Пират под флагом «Черного дракона»

Говорят, что отец Кодамы, к концу жизни разорившийся и опустившийся вассал князя, властвовавшего в префектуре Фукусима, наказывал сыну: «Чтобы стать сильным и влиятельным, ты должен сделаться богатым».

Неуемную зависть вызывали у молодого Кодамы одни лишь названия старых и новых концернов — «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Кухара», рекламу которых он встречал на каждом шагу в Токио, куда перебрался в 1928 году из Фукусимы. Во главе концернов стояли люди фантастически богатые и потому сильные и влиятельные. Они направляли политику страны таким образом, чтобы она приносила им все новые и новые прибыли.

Японский капитализм вприпрыжку догонял американских и западноевропейских соперников. В погоне за мировым лидерством он довел эксплуатацию рабочих и крестьян до уровня, который привел бы в изумление римских рабовладельцев. Экономический кризис, ударивший по Японии в не меньшей степени, чем по хозяйству ее заокеанских конкурентов, усугубил вдвойне бедственное положение трудящихся. Люди труда начинали осознавать, что они вовсе не родились с седлами на спинах, а капиталисты и крупные помещики не получили божьего соизволения сидеть в этих седлах. Забастовки, демонстрации, митинги стали сотрясать устои японского общества.

Кризис болезненно сказался и на положении мелкопоместных дворян, в том числе семьи Кодамы. Мелких помещиков роднило с хозяйчиками небольших мастерских и лавок, тоже страдавшими от сокращения сельскохозяйственного и промышленного производства, два всепоглощающих чувства: страх и ярость. Страх — перед недовольством народа. Ярость — от сознания, что монополистические концерны и банки даже в условиях экономического кризиса продолжали богатеть, обирая не только трудящихся — это мелких помещиков и мелкую буржуазию, разумеется, не волновало, — но и маломощных аутсайдеров, хотя они и являлись братьями по эксплуататорскому классу.

Но и сама монополистическая буржуазия не была единой. Так называемые «новые концерны», разжиревшие на гонке вооружений в период первой мировой войны, жаждали откормить золотого тельца военного производства до размеров быка и стремились к внешнеполитическим авантюрам. В них «новые концерны» усматривали, кроме того, выход из экономического кризиса. Монополистические объединения, чья родословная уходила в глубь веков — к первым японским торговым домам, вполне разделяли экспансионистские цели «новых концернов», но не торопились: они считали, что следует хорошо подготовиться к империалистическим захватам, прежде чем их начинать.

Через четверть века, после поражения Японии во второй мировой войне, одна из американских правительственных делегаций, во множестве посещавших капитулировавшую страну, в своем докладе госдепартаменту США сделает хотя и неожиданный для подобного рода миссий, но весьма верный вывод: «Крупные финансово-промышленные группировки несли ответственность за милитаризм в Японии и извлекали в солидных размерах из него выгоду».

В гниющем болоте раздиравшегося противоречиями буржуазно-помещичьего японского общества, куда с размаха летели тяжелые камни народного гнева, грозя это болото выплеснуть, выросли зловонные цветы «японизма» — системы взглядов, родственных тем, которые в Европе называли фашизмом. Последователи «японизма» объединились в бесчисленные общества, лиги, партии, в программах которых неизменно присутствовали слова «император», «нация», «государство». Пышнословие должно было притушить смрадный дух милитаризма и шовинизма, замаскировать властолюбие и алчность последователей «японизма».

«На основе японизма — единения императора и нации — мы стремимся построить новую Японию. Наше общество, основываясь на национальном движении, добивается упразднения господства плутократии и решительного проведения политики императорского пути». Когда Кодаме попала в руки эта листовка, подписанная: «Кэнкокукай» — «Общество основания государства», ему показалось, что он прочел собственные мысли.

Кодама не ошибся: члены «Кэнкокукай» — молодые офицеры, выходцы из охваченной страхом и яростью среды мелких и средних помещиков и мелкой буржуазии, — хотели заставить плутократию (так они именовали крупный капитал) быстрее установить в стране тоталитарный режим и отвести в нем военщине подобающее место, чтобы и она могла обладать политическим влиянием и доходами. Этим и исчерпывался, собственно, смысл выражения «упразднение господства плутократии». Единение же монархии и нации требовалось, как считали участники «Кэнкокукай», для того, чтобы задавить и не дать больше подняться рабочему и крестьянскому движению. Что касается «политики императорского пути», то Кодата — сын самурая — с ранних лет воспитывался в духе преданности ей. «Императорский путь» — это главенство над народами Азии, и прокладывается он «мечом божественного происхождения», каковым является японская армия.

Общество «Кэнкокукай» было одной из нескольких сот тогдашних организаций японских фашистов. В бухгалтерских книгах «нового концерна Кухара» расходы на содержание общества проходили по статье «филантропическая деятельность».

Со вступления в «Кэнкокукай» начал Кодата восхождение к руководству японским фашистским движением. Восхождение это пролегало в основном через тюремные коридоры. Однако не потому, что Кодату преследовали за крайне правые убеждения. Молодого Кодату, как и всю военщину, отличали оголтелость и нетерпение. Они подводили его. В 1929 году эти качества заставили Кодату забыть истину, внушавшуюся ему с детства: император — сын Неба, а сыну Неба недостойно заниматься земными делами.

3 ноября императорский экипаж подкатил к воротам храма Мэйдзи — монарх совершал сюда ежегодное паломничество. Из толпы вдруг выбежал человек и, бросившись ниц, подал императору петицию. В ней содержалась всеподданнейшая просьба запретить рабоче-крестьянскую партию, желающую поколебать трон. Содержание челобитной, надо полагать, весьма импонировало императору, но дерзость холопа (а это был Кодата) требовала наказания шестью месяцами тюрьмы.

Тонкий соломенный тюфяк на каменном полу в тюрьме Итигая и камерная «мисо» — похлебка из соевых бобов — не умерили шовинистического остервенения Кодамы. В 1930 году тюремные ворота снова приняли его. На этот раз Кодама заплатил двадцатидевятидневной отсидкой за распространение в парламенте листовок с призывом к революции под руководством императора. Но Кодама опять поторопился: монополистический капитал еще не был готов к тому, чтобы открыто призвать к себе на службу фашиствующую военщину и через нее управлять страной.

По мнению молодого офицерства, и, разумеется, Кодамы тоже, монополистический капитал и послушное ему правительство недостаточно активно осуществляли захват Китая и слишком уж не спеша готовились к войне против СССР. Военщине мало было оккупации Маньчжурии — богатейшего района Китая с 36-миллионным населением. Несмотря на то, что более двух тысяч предприятий уже работали на армию, что на военные нужды направлялось свыше 62 процентов производившихся в стране проката и стали, военщина заявляла о «безоружности Японии». Главное зло — в министре финансов Дзюнносукэ Иноуэ, связанном с ведущими концернами, решил Кодама.

В один из июньских дней 1931 года министр финансов получил по почте пакет. В нем содержались кинжал и записка. «Воспользуйтесь кинжалом, чтобы сделать себе харакири или чтобы защитить себя», — написал Кодама в записке. Министр финансов не сделал ни того ни другого — он отослал кинжал и записку в полицию. Арест Кодамы не спас, однако, Иноуэ. Вскоре дружок Кодамы застрелил его. Кодама же получил свой третий тюремный срок — пять месяцев.

15 мая 1932 года несколько групп армейских и морских офицеров напали на канцелярию премьер-министра, полицейское управление, на здания крупных компаний и банков. Премьер-министр Ки Инукаи был убит. Незадолго до гибели Инукаи писал: «Япония — избранная страна, миссия ее велика и почетна. Еще первый император Дзимму в своем манифесте перед вступлением в права божественного управления страной и народом провозгласил принцип: «Восемь углов под одной крышей», что

означает объединение всех азиатских народов под крышей нашей империи». И тем не менее Инукаи казался фашистам в военных мундирах слишком левым, потому что, по их убеждению, проводил «мягкотелую» внешнюю политику и «мало способствовал» мобилизации нации на войну за претворение в жизнь принципа «Восемь углов под одной крышей».

Кодама в путче не участвовал, и его не было среди подсудимых по делу об убийстве премьер-министра. Собственный «путч» Кодاما пытался организовать позже, в ноябре. Он задумал разом покончить со всем правительственным кабинетом, но мина, подложенная под трибуну, с которой правительство наблюдало за военными маневрами, взорвалась не вовремя. Вердикт суда — четыре с половиной года заключения — никого не удивил своей мягкостью. Столь же снисходительным был приговор и тем, кто расправился с премьер-министром Инукаи. Судьи, продемонстрировав идейную общность с убийцами, превратили обвинительное заключение в оправдательный, по существу, документ. «Подсудимые стремились к реформе государства,— записали судьи.— Они желали пробудить национальные чувства у народа. Подсудимые хотели чрезвычайными мерами подать огненный сигнал к переустройству страны».

Япония быстро двигалась к монархо-фашистской диктатуре. Разногласия между монополистами и военщиной представляли собой не более чем семейные свары: вскормленное родителями дитя проявляло строптивость и дерзило старшим. В главном ссорившиеся были едины: они всей душой стремились к агрессии. Она открывала перед ними обширные источники сырья, необъятные рынки, богатую добычу. Монополисты, окружавшие военщину отеческой заботой, пытались лишь сдерживать свое чад в тех случаях, когда считали, что следует проявлять осмотрительность и действовать наверняка.

Каждая отсидка прибавляла Кодаме славы. Его авторитет среди правых рос. Начало войны на Тихом океане Кодاما встретил в рядах одной из наиболее черносотенных организаций — «Кокурюкай» («Общество «Черного дракона»»), где занял весьма видный пост. В «Кокурюкай» состояли генералы и адмиралы, министры, заводчики — изготовители оружия. Отец Кодамы мог быть

доволен: сын свято выполнял его завет и находился на верном пути к достижению силы и влияния.

Когда японской оккупационной армии в Китае понадобился человек, который смог бы возглавить разветвленную разведывательно-карательную организацию, в военном министерстве сразу же вспомнили о члене «Кокурюкай» Ёсио Кодаме. Он удовлетворял всем требованиям: был слепо предан императору, полностью разделял взгляды военщины о необходимости расширить пределы Японии до индийских границ и Уральского хребта, имел опыт проведения террористических актов и конспирации.

Кодама оправдал надежды. «Кодама кикан» — «Организация Кодамы», действовавшая из Шанхая, располагала десятью тысячами шпионов, профессиональных убийц и мародеров. Организация занималась также изъятием у китайцев и доставкой в Японию стратегических материалов и ценностей, иными словами, грабежом.

Вряд ли Кодама был знаком с гитлеровскими циркулярами, в соответствии с которыми немецко-фашистская армия разбойничала на оккупированных землях. И тем не менее бандитский почерк мародеров из «Кодама кикан» до удивления совпадал с приемами тотального грабежа гитлеровцев. В китайских городах и деревнях, где побывал Кодама, в домах не оставалось даже металлической посуды, с кладбищ исчезали железные надгробия и ограды. Сталь, медь, свинец, хром шли на переплавку, чтобы превратиться в оружие и военную амуницию. Кодама не жалел усердия для армии. Однако с гораздо большим рвением он старался набить собственные карманы, хотя в применении к этому разбою правомерны иные, чем карманы, мерки.

«С вами говорят из «Кодама кикан»...» Командиру авиатранспортного соединения, дислоцированного в Шанхае, этих слов оказывалось достаточно, чтобы сломать голову броситься готовить самолеты к экстренному вылету, — приказы Кодамы считались столь же обязательными для исполнения, как самого главнокомандующего оккупационных войск в Китае. В ящиках, которыми солдаты из «Кодама кикан» заполняли самолетные отсеки, находились не железные крестьянские сохи, не алюминиевые плошки и не медные дверные ручки. Эта добыча дожидалась судов в Шанхайском порту. Само-

летами Кодама переправлял в Японию золото, платину, бриллианты.

Промышлял Кодама ценности способом, известным еще средневековым японским пиратам, совершавшим набеги на китайское побережье. Явившись к китайскому градоначальнику — представителю так называемого «национального правительства», которое считалось союзником Японской империи, Кодама не размахивал пистолетом или саблей. Он сообщал, что «в городе действуют коммунистические партизаны и японская армия вынуждена провести карательную операцию». Такая операция означала полное разорение города. Как правило, догадливый городской управитель покорно спрашивал: «Сколько хотите?» И Кодама называл то количество золота и бриллиантов, которое рассчитывал получить с местных жителей. Самых сообразительных градоначальников Кодама освобождал от выплаты дани. В XVIII веке японские корсары обирали купцов провинции Фуцзянь точно так же — под угрозой вызвать флотилию морского разбойника, наводившего ужас на весь Дальний Восток и оставшегося в истории под именем Коксинга.

Многие ящики, доставленные из Шанхая на аэродром Ацуги, что в окрестностях Токио, загадочно и бесследно исчезали. Самолеты возвращались в Шанхай. Они везли груз, тоже принадлежавший «Кодама кикан», — наркотики. Их сбывали в Китае за золото, платину, бриллианты, которыми загружались новые самолеты. Кодама обогащался изо всех сил, чтобы достичь силы и влияния.

«Я помню отправку из Шанхая двух самолетов. На их борту находилось так много золота и драгоценностей, что летчики беспокоились, выдержат ли шасси при посадке». Офицер из «Кодама кикан» Юкио Ивата молчал 35 лет. Он заговорил, когда Кодаму привлекли к уголовной ответственности по «делу Локхида».

Бывший капитан первого ранга военно-морских сил, отказавшийся сообщить фамилию из опасения, как он сказал, за свою жизнь, дал такое свидетельство: «По роду службы я имел отношение к медицинскому управлению военно-морского флота и располагаю сведениями, что Кодама за взятку добыл в управлении разрешение вывозить в Китай наркотические средства — якобы для

полевых госпиталей. Но в госпиталях этих средств ни разу не получали».

Когда японские войска входили в китайский город, первыми мероприятиями оккупационных властей были введение комендантского часа и открытие «черного рынка». За соблюдением комендантского часа надзирала жандармерия. На «черном рынке» заправляла «Кодама кикан». Жандармам находилось, впрочем, занятие и тут — охранять подручных Кодамы. Ассортимент товаров, которые выставляла на продажу «Кодама кикан», отличался исключительным разнообразием: иностранная валюта, только что изъятая из городского банка, продовольствие с японских армейских складов, соль, конфискованная у здешних купцов, солдатское обмундирование. При этом на тюках с гимнастерками и брюками красовались каллиграфически выписанные участницами «Японской ассоциации женщин — защитниц отечества» иероглифы: «Доблестным воинам японской императорской армии. Пусть вам сопутствует ратное счастье».

Жандармский солдат Киётака Миядзаки в книжке-исповеди «Жандармы — военные преступники» рассказывал: «Мы имели предписание сдавать в «Кодама кикан» все, что могло считаться трофеями, захваченными в ходе боевых действий. Японские военные склады, даже самые охраняемые, были открыты для офицеров, служивших у Кодамы. Его организация бесконтрольно распоряжалась несметными богатствами».

В декабре 1945 года Кодاما, узнав о приказе штаба американских оккупационных войск арестовать его как военного преступника, попытался оправдаться перед японской общественностью. «За время войны,— заявил Кодاما в газетном интервью,— «Кодама кикан» предоставила сражавшейся стране стратегические материалы на сумму 3,5 миллиарда иен». Кодاما хотел дать понять, что мародерствовал во имя высокой цели. «Заводы, недвижимость, которыми располагала моя организация в Китае и которые оценивались в 3,2 миллиарда иен,— продолжал Кодاما,— возвращены китайским властям перед эвакуацией японской армии». Читатели интервью должны прийти к мысли, что справедливость восторжествовала и нечего ворошить прошлое.

«Из Китая я перевел в Японию 100 миллионов иен,—

сообщил далее Кодама.— 75 миллионов иен пошли на развитие горнодобывающей промышленности, а 25 миллионов — на помощь семьям погибших на фронте солдат». Кодама лгал: семьи погибших солдат не увидели ни иены из этих денег. «Личный капитал — 5,9 миллиона иен — я намерен употребить на строительство жилья для рабочих», — пообещал Кодама и снова солгал: жилье для рабочих никогда не было построено на средства Кодамы.

В интервью Кодама скрыл главное — сколько золота, платины, бриллиантов отправилось с аэродрома Ацуги не в подвалы Японского банка, а в тайник самого Кодамы. И еще: перед бегством из Шанхая Кодама украл из тамошнего медицинского центра радиy, оцененный три года спустя в миллион долларов.

В тюрьме Сугамо

Фумимаро Коноэ, возглавлявший предвоенный и военный японские правительственные кабинеты и являвшийся одним из главных зачинщиков агрессии против Китая и войны на Тихом океане, говорил в сентябре 1945 года главнокомандующему американских оккупационных войск в Японии Макартуру: «Японцы больше боялись коммунизма и бунта бедноты, чем капитуляции перед США». «Японцы» — это монополисты и военщина. Ответ Макару прозвучал в унисон словам военного преступника. «Оккупационная армия не позволит подняться коммунизму в Японии или ускользнуть из ее рук», — заверил американский генерал, проявив трогательное единство взглядов с преступником.

Удивительно ли поэтому, что вернувшийся из Китая и сделавшийся советником в первом послевоенном японском правительстве Кодама провозглашал: «Да здравствует союз с Америкой против коммунизма!» Еще несколько недель назад в Китае тот же Кодама наставлял свою разбойную рать: «Уничтожим американских и английских хищников!» Кодама твердо следовал девизу: «Принципы — на час, выгоды — на века».

17 августа 1945 года, через два дня после рескрипта императора о капитуляции, член царствующей фамилии

Хигасикуни сформировал первый послевоенный кабинет министров. Генерал Тодзио, ответственный за войну и поражение Японии, прочил принца Хигасикуни в премьеры еще в 1941 году, накануне нападения японского флота на Пирл-Харбор. Рекомендация отъявленного милитариста — достаточно убедительная характеристика политических воззрений Хигасикуни. Вполне закономерно, что Кодама занял у монаршего премьер-министра пост советника.

Однако только ли тождество убеждений Хигасикуни и Кодамы определило выбор, сделанный главой правительства? Когда у заведующего секретариатом премьер-министра поинтересовались, что делает в правительственной канцелярии Кодама, чиновник рассмеялся и ответил: «Принц присматривает за своей наложницей». До капитуляции Японии роль принцев, содержавших правительство, выполняли монополисты и крупная земельная аристократия. Поражение лишило наложницу привычных даров. Требовался новый покровитель. Хигасикуни нашел его в лице Кодамы, и в самом деле богатого как принц. Посвященные в деятельность «Кодама кикан» вспоминали о груженных золотом и драгоценностями самолетах, тяжело взлетающих с шанхайского аэродрома.

Имелась и другая причина, объяснявшая появление Кодамы в правительственной канцелярии и его поведение там словно в собственном гареме. В личном дневнике Хигасикуни сохранилась запись: «Кодама связан с крайне правыми лидерами. Он нужен мне для контактов с ними». Эти контакты повлияли, без сомнения, на распоряжение Хигасикуни выплатить — уже после капитуляции и прекращения войны! — крупные суммы военно-промышленным концернам за военные заказы — как выполненные, так и не выполненные ими. Хигасикуни сохранил, кроме того, государственный аппарат военного времени, который продолжал действовать и с приходом американских оккупационных войск.

В связи с капитуляцией Японии Макартур обратился с воззванием к японскому народу. «Для успешного утверждения мирного образа жизни необходимо, чтобы японцы с благодарностью восприняли все достижения демократии Соединенных Штатов Америки», — по обыкно-

вению, высокопарно и надменно изрек Макартур. Но японские трудящиеся считали, что для утверждения мирного образа жизни требуется иной путь — ликвидация власти монополий, искоренение милитаризма. И первым шагом на этом пути должно быть суровое наказание преступников, ввергших нацию в кровопролитнейшую войну во имя колониальных захватов и грабежа других народов. Макартур изо всех сил противился такому наказанию, исходя, судя по всему, из принципов прославлявшейся им демократии Соединенных Штатов.

Пренебречь волей японского народа американские оккупационные власти все же не смогли и в сентябре 1945 года арестовали 280 военных преступников, отнесенных к классу «А», в январе 1946 года — еще 59 виновных в военных злодеяниях, в том числе и Ёсио Кодаму.

В книжке-дневнике Кодамы «Хотя и вытопан дерн», написанной в тюрьме Сугамо, можно прочесть: «После обеда я вышел из камеры на прогулку. Обычно Тодзио, Киси, Аюкава и я гуляли вместе. Но сегодня Аюкава не вышел во двор. Он крикнул нам из окошка, что болен. Невдалеке я заметил Мацуоку — он сильно постарел».

Компания, что и говорить, примечательная: за каждым длинный хвост преступлений. Любое из них тянуло на высшую меру наказания. Хидэки Тодзио, генерал, глава военно-фашистского режима, управлявшего Японией в годы войны, значился первым в списке военных преступников класса «А». Первым он и был повешен по приговору Токийского международного трибунала. Гисукэ Аюкава верховодил специальным органом, осуществлявшим грабеж Маньчжурии. Ёсукэ Мацуока, министр иностранных дел, скрепил своей подписью агрессивный тройственный пакт между гитлеровской Германией, фашистской Италией и милитаристской Японией. Нобусукэ Киси служил министром торговли и промышленности, а затем заместителем министра вооружений в военных кабинетах.

Кодама и его сокамерники еще недавно репетировали позы для монументов. «Это нас и погубило, — размышлял Кодама во время неспешных прогулок по тюремному двору. — Власть явная хоть и прибыльна, но подчас чревата тяжелыми последствиями». Кодама взглянул

на Тодзио, чей бесславный конец и до окончания трибунала не вызывал сомнений у заключенных. В тюрьме Кодама сформулировал жизненное правило, которому решил твердо следовать, если, конечно, останется в живых и выкарабкается из Сугамо: тайная власть, мало уступая по дивидендам явной, гораздо безопасней и, главное, может быть безграничной и исключительно эффективной.

Менее полугода — до ареста и заключения в тюрьму — общался правительственный советник Кодама со штабом оккупационных войск США. Срок оказался вполне достаточным, чтобы убедиться: с американцами можно найти общий язык, если это язык денег. Однако с кем из американской военной администрации следует заговорить на таком языке об освобождении? Выискать нужного человека Кодама попросил Сёхэя Саммондзи — юриста, назначенного американцами для защиты в Токийском международном трибунале одного из подсудимых. Мрачный юмор этого назначения заключался в том, что Саммондзи сам был военным преступником. Во время войны он выполнял, в частности, роль уполномоченного «Кодама кикан» в Корее. В 1943 году Саммондзи направил Кодаме 34 килограмма золота и 37 килограммов платины, похищенных у корейцев.

Саммондзи вряд ли скоро отыскал бы того, кто обладал достаточной силой, чтобы отворить перед Кодамой двери на волю, если бы не случай. Прошение Кодамы о помиловании Саммондзи попросил перевести на английский язык Таро Фукуду — японца, выросшего в США и служившего в американской армии. Ходатай Кодамы поделился с Фукудой, что узник далеко не беден и готов щедро отблагодарить освободителя. Фукуда оставил себе 35 тысяч иен — плату за перевод и копию прошения. Оригинал, обрастая входящими и исходящими номерами, неторопливо поплыл из комнаты в комнату в штабе оккупационных войск, а копия вместе с донесением, в котором дословно воспроизводился рассказ Саммондзи о новоявленном графе Монте-Кристо и о его готовности поступиться долей сокровищ, совершила стремительный путь от скромного переводчика до начальника 2-го отдела штаба генерал-майора Чарльза Уиллоуби. Генерал-майор представлял в Японии Управление

стратегической службы — предшественника ЦРУ, а Фукуда числился в этом управлении агентом.

Американская разведка и Кодама сторговались быстро. Кодама предложил за свое освобождение радиевые стержни, украденные в Шанхае и оцененные в миллион долларов. Американский штаб немедленно согласился. Кодаме было невдомек, что не взятка решила его судьбу. Она лишь ускорила решение. Американский разведчик Уиллоуби покровительствовал японским милитаристам по долгу службы и по влечению сердца. В обязанности начальника 2-го отдела штаба оккупационных войск входили поиски бывших лидеров правых организаций, чинов тайной полиции и жандармерии и перевербовка их в секретные агенты Управления стратегической службы. Отечественная любовь к этой категории японцев объяснялась глубоким пристрастием Уиллоуби к фашистским идеям. Выйдя в отставку, Уиллоуби сделался лидером профашистского «Общества Джона Берча». Зная Кодаму о симпатиях генерал-майора, не дал бы так дорого, чтобы выбраться из Сугамо.

Сделка завершилась поистине с американской оперативностью. 24 декабря 1948 года Кодама покинул тюрьму. 28 декабря адъютант начальника экономического и научного отдела штаба оккупационных войск принял от Кодамы контейнеры с радием.

В июне 1976 года японское министерство иностранных дел обнародовало часть документов, относящихся к периоду оккупации Японии. Среди них есть распоряжение штаба оккупационной армии японскому правительству, датированное 19 февраля 1949 года. «Произвести лабораторный анализ радия, полученного от Кодамы и хранящегося в подвальном помещении Японского банка под контролем вооруженных сил США», — предписывалось в распоряжении. Другой документ, составленный одновременно с этим распоряжением, Уиллоуби пометил грифом «Совершенно секретно». То было письменное согласие Кодамы сотрудничать с разведывательной службой Соединенных Штатов.

«Человек за черным занавесом»

«Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, которые обманули и ввели в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний». Эти положения из Потсдамской декларации, определившей принципы послевоенных демократических преобразований в Японии, Кодама воспринял как направленные против него лично. «Японское правительство должно будет устранить все препятствия к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа», — указывалось далее в декларации. От мысли, что это может произойти, Кодама приходил в бешенство.

Потсдамскую декларацию он называл не иначе как «новым коммунистическим манифестом». Требования претворить ее в жизнь он считал «происками международного коммунизма». Японских трудящихся, изголодавшихся по элементарной свободе и рису, Кодама рассматривал как «коммунистических агентов». Иными словами, угрозу существованию системы, при которой только и мог он обладать богатством, приносящим и политическую власть, Кодама видел в коммунизме. Он поставил перед собой две цели, тесно связанные между собой: сокрушить коммунизм и обогатиться.

Достоверно не известно, сколько ценностей вывез из Китая и припрятал Кодама. Считают, что у него скопилось на 70 миллионов иен — в довоенных ценах — золота, 20 ящиков платины и полтора мешка бриллиантов — необработанных и в изделиях. На нынешние японские деньги это более 11 миллиардов иен. Богатство подобно морской воде: чем больше пьешь, тем сильнее жажда. Неутолимая жажда обуревала Кодаму. С первого дня капитуляции он занялся поисками способа, как использовать капитал для достижения власти, которая, во-первых, принесла бы новую прибыль и, во-вторых, обеспечила бы действенную возможность бороться с коммунизмом.

Кодама не забыл ни одного из 1090 дней, проведенных в тюрьме Сугамо, и многому за это время научился. Он решил сделаться тем, кого в Японии издавна именуют

«куромаку» — «человеком за черным занавесом». В японском театре кукол такой человек приводит в движение марионеток. В японском обществе «куромаку» приводит в движение политических деятелей. Двадцать восемь военных преступников покарал Токийский международный трибунал, но среди осужденных не оказалось ни одного промышленника, финансиста, помещика или лидера фашистской организации. Они выполняли роль «людей за черным занавесом» в милитаристской Японии.

Довоенные консервативные партии не могут служить надежным объектом вложения средств, пришел к выводу Кодама. Действительно, полностью скомпрометированные содействием агрессивной политике, раздираемые внутренней борьбой за власть, эти партии не имели будущего. Их лидеры в представлении даже Кодамы «запятнали себя, — как говорил он, — продажностью и беспринципностью». Кодама мечтал о создании партии, консервативной по духу и приспособленной к новым условиям. Кодаме требовались лидеры, которые продались бы только однажды и только ему и которые именно его принципы сделали бы собственными.

Кодама не был одинок в стремлении ограничиться косметической операцией политического лица Японии, чтобы за обновленными внешними чертами скрыть прежний облик. 20 августа 1945 года, уже через пять дней после капитуляции, буржуазная газета «Майнити» написала: «Япония должна сохранить свои традиции. Она должна подняться из пепла, как мифическая птица Феникс». Американские оккупационные власти высказались конкретнее. «Моя миссия, — с обычной спесью и амбицией вещал генерал Макартур, — состоит в укреплении основы, на которой в Японии успешно продолжала бы развиваться система свободного предпринимательства». И далее совсем откровенно: «Я сделаю Японию бастионом западной цивилизации против коммунизма».

В токийском районе Адзабу среди немногих домов, сохранившихся после американских бомбардировок, остался почти нетронутым особняк президента фирмы «Бриджистон», которая изготавливала автомобильные покрышки. Хозяин особняка приютил у себя одного из старых политиков, немало способствовавшего становлению в Японии милитаризма. Поражение лишило депута-

та имперского парламента доходов и дела, но не уменьшило желання вершить судьбами страны. Политик тоже считал, что прежняя консервативная партия, в которой он состоял, изжила себя. Но где добыть денег на образование новой партии? Оккупационные власти заморозили в банках активы фирмы «Бриджистон», как и других компаний. Требовались наличные иены. Ими располагал Кодама. Однажды он появился в особняке шинного короля.

— Кто владелец ценностей, о которых вы рассказали? — спросил политик. Он готов был принять любые деньги, даже со следами крови, однако чистоплюйство парламентского барина мешало согласиться, не рассуждая, на предложение Кодамы финансировать формирование партии.

Кодама решил соблюсти предложенные правила игры и поведал сказку, в искренность которой не поверили бы даже тогдашние японские школьники.

— Ценности принадлежат японской армии, — с бескорыстным, как у церковного служки, видом повествовал Кодама. — Сразу после трагедии, — Кодама имел в виду капитуляцию, — я виделся с министром военно-морского флота. — Кодама уважительно склонил голову, выражая почтение к столь высокому лицу. — Господин министр сказал, — продолжал Кодама, что, поскольку армии уже нет, ценности он доверяет мне, и я обязан употребить их на благо нашего государства. — Кодама устремил на собеседника взгляд, с чистотой которого не сравнился бы самый дорогой бриллиант из добычи «Кодама кикан».

Политик не скрывал слез. Слезы должны были означать умиление благородством патриота, пекущегося о будущем страны. На деле же он плакал от радости, какую испытывают продажные слуги, обретая богатого и щедрого повелителя.

— Каковы ваши условия?

— Условие — единственное. — Голос Кодамы зазвучал требовательно и жестко. — Ваша партия должна сохранить в неприкосновенности императорскую систему.

Теперь политик готов был разрыдаться. Сохранить императорскую систему — ведь это его сокровенная мечта. И не только его, но и творцов американской полити-

ки в отношении Японии. В секретном приказе Вашингтона оккупационным властям предписывалось «помочь японскому народу в развитии конституционной монархии и сохранении императорского строя». В Вашингтоне только правящую элиту считали народом.

Свой организационный съезд либеральная партия — так в духе времени была наречена эта организация — провела в единственном неразрушенном в Токио зале «Хибия кокайдо». Накануне съезда будущий генеральный секретарь партии объехал рисовые лавки, где сбыл часть бриллиантов, полученных от Кодамы. В послевоенные годы владельцы рисовых лавок занимались также ростовщичеством, спекуляцией дефицитными товарами и скупкой краденого. На вырученные деньги был арендован зал «Хибия кокайдо». Этими же деньгами руководство партии оделило 43 делегатов съезда.

Как мухи на сладкое, слетались в либеральную партию старые и новые консервативные деятели. Деньги, которые подбрасывало им руководство партии, и реакционная партийная программа привлекали политиков. Либеральная партия провозглашала «сохранение священного национального государственного строя». Она обещала «следовать великому пути конституционной монархии и бороться против пролетарской диктатуры». Ставила перед собой цель защищать право на частную собственность. Эти лозунги не отличались по существу от призывов другой консервативной партии, именовавшей себя прогрессивной. Но либеральная партия обладала большими, чем прогрессивная, денежными средствами, что и принесло ей победу на первых японских послевоенных выборах. Кодама возликовал: партия, пришедшая к власти, не забудет его заслуг!

Однако Кодама радовался рано. По привычке пренебрегать мнением масс, выработавшейся в пору монархо-фашизма, он не принял в расчет общенародное требование — привлечь к ответственности лидера либеральной партии Итиро Хатояму за его деятельность в качестве генерального секретаря военного правительственного кабинета, за участие в репрессиях против демократических сил, которые он проводил на посту министра просвещения до войны. Штаб оккупационных войск не смог игнорировать это требование и запретил Хатояме не

только возглавить правительство, но и вообще занимать какие-либо официальные или общественные посты.

В фундамент политической власти либералов Кодама закладывал самые крепкие, какие существуют в японском буржуазном обществе, кирпичи — деньги. Пачки купюр, толстые и тяжелые, словно и впрямь кирпичи, нарочные Кодамы развозили депутатам парламента от либеральной партии и от других консервативных партий. В либеральной партии Кодама помогал добиваться единства, в соперничающих партиях вербовал союзников, столь необходимых в борьбе за власть.

Кодама хорошо усвоил закон японской демократии: только способность изыскивать политические субсидии, то есть умение выгодно продаваться, определяет положение политика. И второе: консервативный политик не может стать во главе партии, пока не сделается «капитаном одной из фракций». Постиг Кодама и правила политической игры, которых обязан придерживаться капитан команды-фракции, чтобы она действовала слаженно. Главными в этих правилах были следующие установления: предоставлять членам фракции деньги, поддерживать материально и морально членов фракции, если они оказываются замешанными в скандальных аферах, знать предосудительные и компрометирующие факты из жизни членов фракции, чтобы держать их в повиновении. Партийный механизм приводился в действие примерно теми же способами, которые практиковались организацией «Кодама кикан», — подачками, шантажом, угрозами.

Как и ожидал Кодама, штаб оккупационных войск недолго подвергал ostracism Итиро Хатояму. В 1951 году его полностью реабилитировали вместе со всеми, кто за пособничество монархо-фашистскому режиму был лишен права заниматься государственной и общественной деятельностью. Через три года Хатояма возглавил правительство, сменив на этом посту Сигэру Иосиду. Разумеется, главной причиной перестановки в высшем эшелоне власти явились изменения в политическом и экономическом положении Японии. В отличие от откровенно проамериканского правительства Иосиды, кабинет Хатоямы, сохраняя верность союзу с США, намеревался проводить курс на восстановление Японии в качестве

самостоятельной империалистической державы. Такой курс привлекал окрепший монополистический капитал страны. Однако немаловажную роль в смене правительства сыграли и действия за «черным занавесом» различных «куромаку», одним из которых был Кодама.

Ночью 20 января 1953 года в дом Кодамы тайно пришли Букити Мики и Кодзэн Хирокава. Меры предосторожности, с которыми каждый из них добирался в токийский район Дзюгаока, где тогда жил Кодама, могли бы сделаться интригующей главой детективного романа. Для подобной скрытности имелись основания. Кодама и Букити Мики готовили политический заговор. Мики, поднаторевший в межпартийных кознях в предвоенные и военные годы и получивший прозвище «коварная лиса», разрабатывал для Кодамы стратегию закулисных махинаций. Это он и на этот раз придумал хитроумный план свержения премьер-министра Иосиды, частью которого была встреча.

Кодзэн Хирокава имел в кабинете Иосиды портфель министра сельского хозяйства. Иосида собирался сделать Хирокаву генеральным секретарем своей партии. Мики задумал переманить ближайшего помощника конкурента в лагерь своей партии. Переманить и скомпрометировать в глазах Иосиды так, чтобы Хирокава навсегда остался прикованным к либеральной партии, — такое добавление внес Кодама в план Мики.

Неизвестно, за какую сумму предал Хирокава Иосиду. Вероятно, уплатили ему за измену недешево, потому что он не торговался, а согласился с предложением Мики и Кодамы сразу. А чтобы Иосида не смог перекупить Хирокаву обратно, Кодама сделал его предательство достоянием гласности. В газетах появилась фотография Хирокавы, дружески беседующего с Кодамой. Ночью 20 января секретарь Кодамы отснял через щель в «сёдзи» — раздвижных стенках — всех участников встречи.

Последующие события были разыграны по нотам, написанным Мики. На съезде партии Иосида не допустил избрания Хирокавы генеральным секретарем. Во время очередного парламентского скандала, когда оппозиция потребовала наложить на Иосиду дисциплинарное взыскание за оскорбление, нанесенное ее депутатам, Хиро-

кава и его фракция проголосовали вместе с противниками премьер-министра. В отместку Иосида изгнал Хирокаву сначала из правительства, а затем и из партии. Но было поздно: мавр свое дело сделал. Скандал в парламенте, поражение при голосовании по поводу дисциплинарного взыскания еще более ослабили и без того подорванные общей политической обстановкой позиции Иосиды, и скоро он подал в отставку.

Соперничество консервативных партий, принявшее характер открытых столкновений, вызывало у монополистического капитала опасение за устойчивость политического режима. Это опасение усилилось, когда о намерении объединиться заявила оппозиция — левая и правая социалистические партии. Раздоры в рядах консерваторов мешали правящему классу активнее противодействовать рабочему движению, сбивать накал народной борьбы против возрождения милитаризма, за мир, за ликвидацию военных баз США на японской земле. Забеспокоились и в Вашингтоне — там почувствовали угрозу существованию агрессивного японо-американского военного союза.

Терпение монополистов иссякло, и они прикрикнули на консерваторов. Вице-президент Федерации экономических организаций — всесильного объединения японских монополий — без обиняков заявил о необходимости «стабилизировать политическое положение путем слияния консервативных партий». Чтобы воодушевить консерваторов на объединение, монополисты выдали враждующим партиям почти 100 миллионов иен.

Слиянию консервативных партий способствовало и американское Центральное разведывательное управление. По свидетельству издающегося в США журнала «Нью рипаблик», ЦРУ передало консерваторам через Кодаму изрядную толику денег. Сумму журнал сообщить не смог: бухгалтеры в штаб-квартире ЦРУ в Ленгли, штат Вирджиния, и Кодама делаются воплощением скромности, когда общественность начинает интересоваться их расходами и доходами.

Комбинированная иеново-долларовая инъекция враз исцелила консерваторов от междоусобной вражды. Как единопутробные братья, обнялись они 15 ноября 1955 года на объединительном съезде.

Новая партия получила название либерально-демократической. Она мало походила на ту кучку политиков, еще не пришедших в себя после поражения Японии, которые собрались в зале «Хибия кокайдо» и были благодетельствованы деньгами Кодамы. Теперь партия имела в верхней и нижней палатах парламента 418 депутатских мест. Она насчитывала около миллиона членов. Сколь ни велик был вклад Кодамы в образование партии, ныне он не шел ни в какое сравнение с «политическими пожертвованиями» в ее кассу со стороны монополистов. Промышленно-финансовая клика, лишь чуть потревоженная так называемыми «антимонополистическими мерами» американских оккупационных властей, снова набрала экономическую силу и широко использовала деньги, чтобы дополнить экономическую силу политической властью. ЛДП заявила, что с 1955 по 1962 год ее фракции получили от различных компаний в качестве «политических пожертвований» 2 миллиарда 662 миллиона иен. Однако японский ученый-историк Тэрухико Макэти внес в эту цифру существенную и весьма достоверную поправку.

«Возьмите сумму политических пожертвований, о которой партия поставила в известность министерство по делам органов местного самоуправления,— разъяснил Макэти,— умножьте ее на десять, когда речь идет о ведущей фракции, умножьте на семь, когда это касается других влиятельных фракций, умножьте на пять в случае со средними и мелкими фракциями и умножьте на три в случае с группами, поддерживающими отдельных депутатов парламента от ЛДП. Результат будет более или менее близким к той сумме, которая в действительности поступает в фонды фракций консервативной партии».

На общепринятом языке подобные «пожертвования» именуются взятками. Консерваторы предпочитают филантропический термин, пытаясь скрыть полную свою зависимость от предпринимателей.

Если европейцы или, скажем, американцы намерены заключить сделку, стороны стараются вступить в непосредственный контакт друг с другом. Не так у японцев. Они зовут посредника. Посредниками между консервативными политическими деятелями и предпринимателя-

ми выступают, как правило, «куромаку». Кодама вошел в их число. Овладев амплуа «куромаку», Кодама испытывал полное удовлетворение. Он достиг цели, указанной отцом: силы, влияния и богатства.

Бизнес и политика

«Такого характера связей, какие установились между правительством и предпринимателями, нет больше нигде в мире,— разоткровенничалась однажды газета «Майнити».— После войны японские предприниматели нуждались в таком руководстве страной, которое обеспечивало бы наилучшие условия для их деятельности. Поэтому предприниматели без лишнего шума щедро одаряли консерваторов, а они взамен проводили экономическую политику, полностью соответствовавшую интересам предпринимателей».

В практике Кодамы это выглядело так. В 1953 году либеральная партия отчаянно нуждалась в деньгах на проведение кампании по выборам в парламент. «Подружитесь с президентом фирмы «Ходзэн кэйдзай кай» Масутоми Ито,— посоветовал Кодаме уже знакомый нам Букити Мики.— Ито частенько оказывает помощь политическим деятелям. Может, он согласится помочь и нам». Фирма «Ходзэн кэйдзай кай» занималась подпольным ростовщичеством.

Взаимная любовь Кодамы и Ито вспыхнула с первого взгляда, вернее, с обмена первыми фразами. «Нам нужно 50 миллионов иен»,— взял Кодама быка за рога сразу после традиционных приветствий. «Даю 30 миллионов,— немедленно отреагировал Ито и тут же определил, каким образом либералы отработают «политическое пожертвование».— Возглавив правительственный кабинет,— продиктовал условия Ито,— они добьются принятия закона о предоставлении моей фирме государственных финансовых гарантий». Кодама и Ито «ударил по рукам», хотя делец потребовал государственного обеспечения противозаконного бизнеса, и «обмыли» сделку подогретым сакэ — переговоры проходили в ресторане токийского увеселительного района Акасака.

Впоследствии, когда аферами президента «Ходзэн

кэйдзай кай» занялись следователи и Масутоми Ито угодил за решетку, стало известно, что наибольшую выгоду извлек из сделки Кодама. В партийную кассу либералов перепало лишь 10 миллионов иен. Остальное прилипло к ладоням Кодамы. В партии еще долго шептались об этом, но заявить громко боялись. Да и как заявить, если все знали, что на допросе по делу «Ходзэн кэйдзай кай» Кодама надменно бросил следователю: «Прежде чем задавать мне бестактные вопросы, подите к своему начальнику и поинтересуйтесь, на чьи деньги он путешествует по заграницам». Кодама отсылал следователя к Эйити Танаке, руководителю Главного полицейского управления.

«В Тодороки считают...», «Из Тодороки приказывают...» — нередко слышалось в разговорах партийных функционеров, депутатов парламента и даже министров. Одновременно с получением либералами министерских постов Кодама переехал в роскошную виллу в районе Тодороки. Там решались отныне многие государственные и партийные дела.

Было бы неправильно, однако, считать, что главные решения принимались Кодамой единолично. Японская печать опубликовала длинный список влиятельнейших лиц из промышленно-финансовых кругов, с кем поддерживал тесные отношения Кодама. Среди них руководители организаций японских промышленников, президенты, генеральные директора и советники крупнейших металлургических, энергетических, текстильных и торговых компаний. Общаясь с ними, Кодама чутко улавливал мысли и желания большого бизнеса.

Лишь за один 1952 год американской агрессии в Корею военные поставки для армии США принесли японским промышленникам более 300 миллиардов иен. Разрабатывать золотую жилу военного производства промышленники хотели бы постоянно, но конституция запрещала Японии иметь армию и вести войну. Поэтому, когда в Тодороки высказали идею изменить конституцию и для осуществления этого предложили провести через парламент закон о создании специальной комиссии по пересмотру основного закона страны, ни для кого не составило секрета: идея родилась не на вилле в Тодороки, а в монополистических объединениях.

2 ноября 1956 года Итиро Хатояма ушел в отставку. Согласно уставу либерально-демократической партии, консерваторы созвали съезд, на котором избрали нового партийного председателя — Тандзан Исибаси. Состоялась сессия парламента, и Исибаси был провозглашен премьер-министром. Подобно спектаклю, который долго и часто играется в театре, политическое действо прошло без неожиданностей и заминок. Делегаты съезда и консервативные депутаты парламента четко отыграли отведенные им роли. Общественность так и не узнала, как осуществлялась режиссура представления.

Задолго до отказа Хатоямы от высшего партийного сана с Букити Мики встретился член «партийного генералитета» Итиро Коно. Это он успешно сбыв скупщикам краденого бриллианты Кодамы, чтобы открыть учредительный съезд консервативной партии. Перебрали несколько имен кандидатов в наследники Хатоямы, но остановиться на ком-либо не смогли. И Коно предложил Мики возглавить партию и, стало быть, правительство. Мики отказывался: он стар, чувствует себя уставшим, да и поприще «куромаку» привлекает его больше, чем деятельность на виду у общественности. Кому же отдать бразды правления? — мучались вопросом Мики и Коно. Нобусукэ Киси? Кандидатура прекрасная. Отсидка в Сугамо вместе с военными преступниками — отличная рекомендация. Однако занимать высшие должности в партии и в правительстве ему еще рановато: партийная биография недостаточно богата. Киси получит эти должности в следующий раз. Тогда кто? Подходящего человека нет, решили Мики и Коно. «Придется, видно, мне предложить партии свою кандидатуру», — согласился наконец Мики.

«Предложить свою кандидатуру партии» означало выйти на скрытый от всех глаз тайный партийный ринг, чтобы схватиться с несколькими конкурентами одновременно, не надеясь при этом на объективность судей — «куромаку» и руководителей фракций. В ходе боя они неоднократно войдут в сговор, расторгнут его, заключат снова, опять откажутся и в конце концов отдадут победу не обязательно тому, кто на ринге окажется сильнейшим.

На том и поладили Мики и Коно. Однако случилось непредвиденное — Мики умер. Рефери подали сигнал к началу боя между Нобусукэ Киси и Тандзан Исибаси.

Один из рефери, младший брат Киси — Эйсаку Сато (он сделается председателем ЛДП и премьер-министром в 1964 году), обратился к Кодаме.

— Киси навелит недавно Иосиду,— сказал Сато.

Кодама навострил уши: зачем сокамерник в тюрьме Сугамо и близкий сторонник ходил к врагу, командовавшему крупной фракцией и ненавидевшему Кодаму за интригу с Хирокавой?

— Киси просил Иосиду о содействии,— продолжал как ни в чем не бывало Сато.

Кодама вспыхнул от гнева и возмущения предательством друга.

— Иосида согласился, но потребовал, чтобы Киси прекратил отношения с вами.— Голос Сато звучал по-прежнему бесстрастно и ровно.

Кодама сник: измены — дело привычное для лидеров ЛДП, понимал он, и все же удар в спину был слишком неожиданным.

— Однако мой брат ответил, что не предаст того, с кем делил тяготы тюремного заключения,— сказал Сато.

Кодама вскинул голову. Он разобрался в игре братьев. Киси предупреждает, что перекинется в стан Иосиды, если Кодама не поможет в борьбе за власть.

В волчьей своре японских консервативных политиков опасно доверять и самым задушевным друзьям. Шантаж — надежнейшее средство заручиться верностью.

Сейчас Сато изложит, какую Киси хочет плату за преданность, подумал Кодама и не ошибся.

— После смерти Мики господин Коно стал склоняться к Исибаси,— принялся объяснять Сато.— А без поддержки Коно брату не выиграть. Вас не затруднит побеседовать с господином Коно?

Кодама взялся за работу. Он уговорил Коно. Оставалось завербовать в сторонники Киси другого важного партийного босса — Бамбоку Оно, чья фракция обладала значительной силой. «Какой пост в своем правительстве предложит мне Киси?» — прямо спросил Оно. «Об этом Киси, наверное, скажет вам сам», — ответил Кодама, полагая, что Киси проявит в разговоре с Оно элементарную для политических торгов сообразительность.

То ли Киси не хватило догадливости, то ли у него имелись особые соображения, но ничего конкретного он Бам-

боку Оно не пообещал, ограничившись просьбой о помощи. И в судебском протоколе, определившем итог схватки за власть, Оно наставил против имени Киси много штрафных очков. Они лишили Киси победы. На съезде ЛДП делегаты троекратно прокричали «банзай» в честь Тандзан Исибаси.

Через два месяца Кодама поправил ошибку своего протеже. Сын Оно получил от Кодамы на свадьбу подарок стоимостью миллион иен. Бамбоку Оно потом признавался друзьям, что удовлетворился бы подношением и в 300 тысяч. После Исибаси председателем партии и премьер-министром был избран Нобусукэ Киси. Не сентиментальные побуждения, навеянные памятью о днях, проведенных в Сугамо, двигали Кодамой, интриговавшим в пользу Киси. Поступки Кодамы полностью согласовывались с желанием крупного капитала видеть Киси во главе правительства.

Кодаме не откажешь в изобретательности, с какой он использовал к материальной выгоде своей и бонз из ЛДП систему свободного предпринимательства. Видно, система эта и называется «свободной» потому, что предоставляет широкое раздолье для стяжателей.

Весной 1963 года Кодама наведлся к президенту строительной фирмы «Коа кэнсэцу» Томисигэ Охаси. Президент чувствовал себя польщенным. Политический и денежный вес Кодамы делал «куромаку» гостем, желанным для любого предпринимателя. Кодама рассказал Охаси, что вместе с дружкой, Хисаюки Матии, замыслил купить земельный участок в Хатиодзи, пригороде Токио. Стоит он 600 миллионов иен. Через год-другой цена на землю поднимется, и участок можно будет продать значительно дороже. Дельце выгодное, но нам с Матии, продолжал Кодама, не хватает 240 миллионов иен. Не одолжит ли их Охаси? Через два года Охаси получит долг обратно и с ним половину прибыли от перепродажи участка.

Охаси ухватился за предложение. Его не смутило, что Матии — предприниматель и по совместительству главарь гангстерской шайки. Не насторожило Охаси и другое: почему известный богачей Кодама просит займы? За этим крылся расчет, о котором Охаси догадался гораздо позже. Президент «Коа кэнсэцу» деньги дал.

Через год Кодама действительно перепродал землю, взяв за нее 1,5 миллиарда иен — на 900 миллионов иен больше, чем заплатил. Кодама прельстил покупателей тем, что правительство решило начать на участке крупное государственное строительство. И вот Кодама снова у Охаси. «Пусть сделка будет числиться за фирмой «Коа кэнсэцу», — попросил он. — Доходы у фирмы небогатые, и поэтому налог на прибыль от продажи земли окажется меньше». Охаси понимал, что придется нарушить закон — составить фиктивную купчую, однако противиться не стал. Кодама недвусмысленно намекнул: Охаси рискует не только обещанной ему прибылью, но и собственными 240 миллионами иен. Вот для чего Кодама одалживался у Охаси! Вскользь Кодама напомнил и о том, что шайка Матии состоит из головорезов, способных на все. Боязнь потерять деньги, а может быть, и жизнь сделала президента «Коа кэнсэцу» послушным орудием в руках Кодамы.

Девятисотмиллионную прибыль Кодама распределил следующим образом. Пятнадцать миллионов иен — Охаси за содействие. Тот был доволен и этим, хотя Кодама обещал половину прибыли. Триста миллионов заработал делец и гангстер Матии. Оставшиеся деньги Кодама поделил между собой и руководителями тех фракций ЛДП, члены которых, занимая правительственные посты, издали распоряжение о государственном строительстве именно в Хатиодзи, на участке Кодамы. Среди мздоимцев находился и министр финансов Какуэй Танака, будущий премьер-министр.

Политики из либерально-демократической партии и ее «куромаку» считают, что деньги могут сделать все, и делают сами все ради денег.

Но не только деньги — источник силы Кодамы. Ему пригодился опыт шпиона и провокатора, накопленный в Шанхае. Кодама в совершенстве овладел искусством кропотливо и последовательно собирать компрометирующий материал на деятелей, которых желал поставить себе на службу или сокрушить, если они становились ему поперек дороги. На первых листах, подшитых в досье Кодамы, воспроизведены рассказы Киси о министрах, депутатах парламента, лидерах партий и заправил бизнеса, которых тот знал. Время в камере тюрь-

мы Сугамо тянулось медленно и располагало к откровенности.

Кодама не брезговал подслушиванием телефонных разговоров, перехватом личной корреспонденции и даже тривиальной слежкой. Скопированные по секрету документы, киноплёнка, снятая скрытой камерой, магнитофонная лента с записями, воспроизведенными через потайные микрофоны, ложились в папки с делами, которые Кодама завел и на врагов, и на друзей. Он добывал информацию у гейш из ресторанов, где политики обсуждают обычно партийные и государственные дела и заключают сделки с предпринимателями, у любовниц, с которыми эти деятели развлекаются на курортах.

В феврале 1959 года депутат нижней палаты парламента Исаму Имаидзуми выступил с запросом по поводу финансовых злоупотреблений премьер-министра Киси с выплатой репараций Филиппинам. Япония расплачивалась со странами, ограбленными ею во время войны, промышленным оборудованием и товарами. Контрагентом выступало японское правительство. Оно закупало продукцию у японских компаний и передавало ее стране — получателнице репараций. Репарационный заказ для Филиппин получила от правительства и фирма «Киносита». На товар фирмы правительство назначило цену намного большую, чем он стоил в действительности. Разницу присвоил Киси. Об этом и сообщил Имаидзуми парламенту. Разразился скандал. И вдруг стих. Занявшийся было огонь разоблачений загасил сам Имаидзуми.

Вскоре после выступления в парламенте Имаидзуми получил приглашение посетить Кодаму дома. «Куромаку» встретил его радушно и хлебосольно. Текла милая и ничего не значащая беседа. Внезапно Кодама переменял ее ход.

— За что вы так жестоко обошлись в парламенте с уважаемым человеком, господином Киси? — спросил Кодама. Выражение его лица было как на рекламном плакате: воплощенная благожелательность, но в голосе зазвенела сталь. — Вы ведете себя крайне неосмотрительно, — продолжал Кодама, уже не тая угрозы. — Ведь вам дорого, надеюсь, место в парламенте?

Имаидзуми поначалу растерялся от столь неприкрытого шантажа. Потом собрался с духом и сказал, что

считает долгом депутата вывести коррупционера Киси на чистую воду. Кодама опять заулыбался и переключился на другую тему. Прощаясь с Имаидзуми, Кодама протянул ему изящную коробочку.

— Мне будет приятно, если вам понравятся эти швейцарские часы.— Кодама прямо-таки источал дружелюбие.

Имаидзуми от подарка отказался.

— Что же,— Кодама расстроено вздохнул.— Тогда возьмите хоть это. У меня есть правило: каждый гость уходит из моего дома с подарком.

Отказаться от корейского женьшеня — из-под обертки выглядывала этикетка — значит вконец обидеть хозяина, посчитал Имаидзуми.

Дома депутат развернул пакет. Не женьшень обнаружил он в нем, а 40-страничную брошюрку, отпечатанную на машинке. «Дело Исаму Имаидзуми» — гласил заголовок. Перелистал. И почувствовал, как зашевелились волосы. В брошюрке досконально описывалась та сторона жизни Имаидзуми, о которой он не рискнул бы поведать и всепрощающему духовнику. С правдой в брошюрке соседствовала ложь. Ее умело вкрапили в правду — ни извлечь, ни замазать. И оттого брошюрка превращалась для депутата парламента поистине в смертный приговор.

Имаидзуми бросился к телефону.

— Не стану утверждать,— зарокотал в трубке голос Кодамы,— что в брошюре написана только правда. Да ведь для журналистов-то значения это не имеет!

Больше в парламенте Имаидзуми не слышали. А о его запросе, отвергнутом Киси как враждебный выпад политического противника, постепенно забыли.

Кодама загадил японскую политику, утверждают сейчас в Японии. Неправда: загаженная японская политика позволила пышно расцвести махинациям Кодамы.

Полицейские и воры

По сведениям полиции, в Японии насчитывается свыше 500 ультраправых организаций со 120 тысячами членов. Почти столько же организаций и членов в них значится и

в досье департамента Главного полицейского управления, занимающегося гангстерским подпольем. Совпадение объясняется просто: ультраправые организации — это одновременно и гангстерские банды. Для слияния фашистского движения с организованной преступностью Кодама сделал очень много.

Объединение руководителей ультраправых организаций и «оябунов», то есть главарей гангстерских банд, состоялось на фешенебельном морском курорте Атами, неподалеку от Токио, в гостинице с мирным названием «Цуруя» («Журавль»). Съездом руководил Кодама. Участники спели императорский гимн «Кимигаё» и выслушали программную речь Кодамы. «Мы должны объединиться против коммунизма,— сказал он,— ибо в нас течет одна кровь». Что верно, то верно: Кодама и гангстеры — кровные братья. Делегаты фашистско-гангстерского сблища поделили Японию на сферы влияния и договорились о способах совмещения уголовно наказуемых дел с борьбой против японских прогрессивных сил.

«Есть 50 или 60 гангстерских или правых групп, которые считают меня своим лидером»,— заявил Кодама в журнальном интервью. Фашист необыкновенно скромнен. Не 60, а 420 гангстерских и правых групп считают Кодаму своим руководителем и духовным отцом.

Согласно данным полицейских источников, доходы этого гигантского синдиката достигли в 1975 году 20 миллиардов иен. Торговля наркотиками принесла этому многоотраслевому криминальному хозяйству 8,6 миллиарда иен, ростовщичество — 4,2 миллиарда, букмекерство — 3,8 миллиарда, рэкет — 800 миллионов, проституция — 300 миллионов иен. Часть денег направлялась на проведение фашистских вылазок, издание антикоммунистической литературы — синдикат после объединительного съезда перешел, выражаясь экономическим языком, на начала коммерческого расчета. Значительные отчисления от преступных доходов поступали Кодаме, а через него и либерально-демократической партии — синдикат превратился в одного из ее финансовых доноров.

На мировом рынке форм организованной преступности за Японией закреплен патент на изобретение «сокайя». Обычно акционерная компания состоит из не-

скольких сот или тысяч акционеров. Чтобы иметь право присутствовать на общем акционерном собрании, достаточно купить одну акцию. Этим пользуются «сокайя» — «держатели одной акции». На собраниях они устраивают дебоши, драки, иногда выступают с разоблачениями тех фактов производственной или коммерческой деятельности компаний, которые правления хотели бы скрыть и от акционеров, и от общественности. Компании предпочитают откупаться от «сокайя», выплачивая им за молчание — в прямом и переносном смысле — крупные суммы. Это из истории «сокайя». Теперь диапазон действий 5 тысяч гангстеров-вымогателей стал куда шире.

Акционерное собрание концерна «Мицубиси». Профсоюз концерна хотел заявить на собрании протест против производства на заводах «Мицубиси» вооружения. «Сокайя» не пустили членов профсоюзного комитета в зал. Председатель совета директоров «Мицубиси» огласил краткий отчет о финансовой деятельности концерна, обойдя молчанием выпуск оружия. Кое-кто из акционеров, прочитав листовку профсоюза, намеревался было поинтересоваться у совета директоров, как обстоит все же дело с военным производством, ведь конституция запрещает Японии создавать армию. Тут-то «сокайя» и сыграли главную свою роль: они не дали акционерам говорить, а наиболее настойчивых заставили замолчать силой. Общее собрание акционеров «Мицубиси» продолжалось 18 минут.

Около тысячи компаний пользуются сейчас услугами «сокайя». Они выплачивают вымогателям 100 миллиардов иен в год. Подавляющее большинство «сокайя» подчинено Кодаме. Он принимает и «заявки» на присылку «сокайя» на собрания акционеров. Иногда звонит в крупные фирмы сам. Бывший министр сельского хозяйства Цунэдзиро Хирацука рассказал, что каждый раз, когда рыбопромысловая корпорация «Нитиро гёгё» созывала акционеров, Кодама интересовался у правления: «Спокойно ли будет на собрании?» И правление немедленно переводило Кодаме деньги, понимая, что без выплаты дани собрание наверняка окажется беспокойным.

Возникает закономерный вопрос: а что же полиция — она безучастно наблюдала за разбоем Кодамы? Совсем нет. Полиция принимала в Кодаме почти родительское

участие. Когда следствие по делу о шантаже высокопоставленного служащего металлургического концерна «Син Нихон сэйтэцу» собралось против Кодамы достаточно улик, полицейский, руководивший расследованием, после долгих колебаний решился выписать ордер на арест бандита. Направив ордер начальнику на утверждение, полицейский с горечью сказал коллегам: «Вот, кажется, и пришел последний день моей службы». Полицейский не ошибся. Едва ордер попал в кабинет начальника, раздался телефонный звонок оттуда. «Вам, надеюсь, понятно все?» — спросил начальник. «Понятно», — ответил полицейский и принялся убирать свой письменный стол, готовя его для преемника.

С годами Кодама избавился от фашистской экзальтации, подводившей его в юношеские годы. Ненависть фашиста к коммунизму, к левому движению внутри страны сделала источником продуманной антидемократической деятельности. Кодама превратился в признанного вождя самой крайней реакции, мечтающей вернуть Японии, как он говорил, «былые величие и славу, утраченные в 1945 году». Кодама воссоздал «Кокурюкай» — «Общество «Черного дракона»». Он образовал «Сэйсикай» — откровенно фашистское «Общество высоких стремлений», из которого набирал личных телохранителей. Приступил к организации «Антикоммунистического народного фронта».

В горах, подальше от людских глаз, создал Кодама военные лагеря, где гангстеры и «сокайя» обучались разгонять демонстрации и митинги, владеть винтовкой, кинжалом, кастетом. «Вы должны иметь выучку настоящих «командос», — напутствовал Кодама новоявленных штурмовиков. — Мы начнем убивать, как только коммунисты зашевеливаются».

Не забыл Кодама и об идейном оболванивании солдат личной армии. Он даже поставил фильм, для которого написал сценарий и в котором сыграл одну из главных ролей. Фильм прославлял летчиков-камикадзе, с криком «Банзай император!» («Да здравствует император!») бросавших свои самолеты на корабли противника. Кодама — хозяин или совладелец семи журналов, пропагандирующих идеи, на каких воспитывался он сам в период монархо-фашизма. В журналах воспевался преж-

ний «императорский путь» милитаризма и шовинизма, превозносился все тот же «меч божественного происхождения» — японская армия, — который следует обрушить на коммунизм.

Весной 1960 года в Японии развернулось всенародное движение против намерения правительства заключить новый японо-американский «договор безопасности». Сотни тысяч токийцев демонстрировали у парламента, протестуя против военного союза с США. Депутаты от либерально-демократической партии утвердили договор, призвав 500 полицейских, которые выволокли из парламентского зала заседаний представителей оппозиции. Возмущение произволом правящей партии достигло предела. На токийских улицах вспыхивали драки демонстрантов с полицией. У парламента запылали полицейские броневики.

«Пора вступать в дело воинству Кодамы», — решили консерваторы. Это воинство им требовалось еще и потому, что предполагался приезд в Японию президента США Эйзенхауэра и для поддержания в столице порядка полицейских частей не хватало. Главное полицейское управление уведомило, что может отрядить для охраны Эйзенхауэра только 15 тысяч человек, а нужно по меньшей мере 25 тысяч. «Охрана американского президента будет обеспечена!» — заверил консерваторов Кодама и потребовал 600 миллионов иен.

Образованный Кодамой «исполнительный комитет по встрече Эйзенхауэра» по составу напоминал объединительный съезд в отеле «Цуруя». На председательском месте восседали Кодама и главари банд «Кинсэйкай» — из ближайшей к столице префектуры Канагава, «Одзу гуми» и «Сумиёси гуми» — из Токио. По вожаку «Сумиёси гуми» полиция только что объявила всеяпонский розыск.

За 600 миллионов иен исполнительный комитет собрал 18 тысяч гангстеров, 10 тысяч солдат бывшей императорской армии, 4 тысячи «боевиков», прошедших выучку в горных лагерях Кодамы. Исполнительный комитет придал им легковые автомашины, грузовики и даже вертолет для руководства действиями с воздуха.

Однако старания Кодамы и гангстеров оказались напрасными. Движение протеста против приезда Эйзенхауэра

эра было столь массовым и мощным, что ЛДП не понадеялась ни на сконцентрированные в столице силы полиции, ни на призванные им на помощь бандитские полки. Правительство отменило визит. Тем не менее консерваторы не считали 600 миллионов иен выброшенными на ветер. Гангстеры и правые опробовали свои мобилизационные способности. Те в полиции, кто еще принимал на веру слова устава о долге бороться с преступностью, увидели, что полицейских и гангстеров соединяет многое, а разъединяют лишь мелкие частности, вроде уголовного кодекса. Когда разразился скандал со взятками американской корпорации «Локхид» и полиция усилила охрану виллы Кодамы, справедливо опасаясь, что неразоблаченные сообщники могут не позволить «куромаку» дожить до суда, один из рядовых полицейских обеспокоенно спросил: «Если Кодамы не станет, кто же будет бороться с коммунизмом?»

«Первая самолетная война»

Кодама не подкидывал вверх солому, чтобы увидеть, откуда дует ветер. «Куромаку» не нуждался в этом примитивном метеорологическом способе, каким пользовались крестьяне префектуры Фукусима, где Кодама родился и вырос. Он сам находился в числе тех, кто влиял на направление политических ветров, и неизменно получалось так, что они дули в самую выгодную для него сторону.

«В поисках гарантии своей безопасности наша страна не пойдет по пути нейтралитета,— заявлял премьер-министр Киси, и можно было легко догадаться, что он усердно штудировал журнальчики, принадлежащие Кодаме.— Япония выступает,— подчеркивал Киси,— за тесное сотрудничество со свободными, демократическими странами, разделяющими наши цели». Воистину гибок язык человека: за тесное сотрудничество с Соединенными Штатами, претендовавшими на роль мирового жандарма, ратовал Киси. Его речи Кодама понимал с полуслова. В них недвусмысленно выражалось намерение перевооружаться.

Зазывалы с эмблемами американских авиастроительных корпораций «Грумман», «Локхид», «Боинг», «Макдо-

Истребители «Локхид-Ф-104».

нелл-Дуглас» наперебой тянули Киси в свои лавки. Наиболее ловкий из них сунул в руку премьера золотой. Он оказался достоинством в 60 миллионов иен, и Киси нырнул в лавку «Груммана». 12 апреля 1958 года совет национальной обороны под председательством Киси вынес предварительное решение о закупке истребителя «Ф-11 Грумман». Миссию убедить парламент, штаб ВВС, что именно самолеты «Груммана» лучшие на рынке вооружений и только их должны иметь японские войска самообороны, Киси хотел было поручить Кодаме, как вдруг выяснилось: «куромаку» считает совершенно необходимыми для Японии совсем иные истребители — Ф-104, которые производила корпорация «Локхид». Никто, в том числе, вероятно, и Киси, не подозревал, что Кодама уже действовал как секретный агент корпорации.

Кодама и руководство «Локхида» нашли дорогу друг к другу не случайно. «Локхид» имел самые тесные связи с американским Центральным разведывательным управлением. Высотные самолеты-разведчики, в одном из ко-

торых шпион Пауэрс отправился в глубь Советского Союза и был сбит над Уралом, поставлял ЦРУ «Локхид». В ЦРУ хранили обязательство Кодамы сотрудничать. Чтобы быстрее найти с Кодамой взаимопонимание, «Локхид» отправил в Японию Таро Фукуду, того самого, который в 1948 году свел Кодаму, заключенного тюрьмы Сугамо, с американской разведкой.

«Крышей» своей Фукуда сделал компанию «Пи-Ар», занявшуюся рекламой в Японии самолетов корпорации. Попутно Фукуда выполнял задания основного своего начальства — из Ленгли. В 1960 году, например, через компанию «Пи-Ар» американская разведка финансировала выступления в печати, по телевидению в поддержку «договора безопасности».

Кодама всегда старался не «наследить» на месте преступления и с 1958 года, когда по предложению Фукуды начал работать на «Локхид», вплоть до 1969 года отказывался подписывать какие-либо контракты и выдавать расписки. Известно, однако, что за эти 11 лет «Локхид» выплатил Кодаме 629 миллионов иен. За достоверность суммы ручаться трудно. Скорей всего, она выражалась несравненно большими цифрами.

Прежде чем совет национальной обороны отказался в июне 1959 года от решения купить «Ф-11 Грумман», Киси по совету Кодамы вернул 60-миллионную взятку и получил от «куромаку» равное ей возмещение. Не менее покладистыми оказались Итиро Коно, занимавший в то время должность секретаря исполкома ЛДП, и Сёдзи Танака — председатель одной из парламентских комиссий. Общественность настаивала на объяснении непоследовательности правительства, и Коно публично заявил, что «Ф-11 Грумман» — во многом экспериментальный самолет и брать его на вооружение неразумно. Сёдзи Танака назвал «Ф-11 Грумман» машиной, в сравнении с которой летательный аппарат братьев Райт — вершина авиационной техники.

Нитями, приводившими в движение политических марионеток, служили деньги, и 600 миллионов иен вряд ли хватило Кодаме, чтобы манипулировать всеми куклами, участвовавшими в сценах борьбы между «Грумманом» и «Локхидом». Интересы «Груммана» отстаивали — безвозмездно, конечно, — Бамбоку Оно и его многочис-

ленная фракция, штаб ВВС во главе с самим начальником. Слушаться Кодаму могла заставить этих кукол только толстая бечевка.

Сколь ни поднаторел Кодама в конспирации, сведения о маневрах вокруг выбора типа самолета для японских военно-воздушных сил просочились в печать. Депутат от социалистической партии Тёдзи Ямада готовился разоблачить закулисные сделки консерваторов с Кодамой. «Куромаку» попробовал воздействовать на Ямаду подкупом. Триста миллионов иен предложил он депутату, но тот отверг взятку. Кодама решил припугнуть строптивного парламентария. Неизвестные — полиции, разумеется, — налетчики разгромили дом Ямады. Тщетно. Депутат настойчиво собирал материалы о злоупотреблениях с самолетами «Локхид Ф-104». И Кодама выпустил заплечных дел мастеров, выпестованных им в военных лагерях.

Оставшийся неопознанным полицейскими автомобиль врезался в машину, на которой Ямада ехал в парламент. Инструкторы питомника убийц, где прошел обучение покушавшийся на жизнь Ямады бандит, получили, наверное, строгое взыскание, потому что депутат не пострадал. Дважды набрасывались на Ямаду с ножами выкормыши «курумаку». Полиция беспомощно разводила руками, хотя почерк Кодамы не узнать было невозможно. Этим же почерком было написано письмо, полученное Ямадой незадолго до парламентских выборов и гласившее: «Попав в список депутатов, ты попадаешь в список мертвых».

Ямада выступил с запросом в парламенте. Лидеры консерваторов начисто отрицали приведенные им факты. К сожалению, у Ямады их имелось немного. Коррупционеры сумели избежать скандала. Ведь ложь предстает истиной, если этого желает достаточное число людей. У либерально-демократической партии вполне хватало в парламенте депутатов, чтобы любую ложь выдать за истину.

В ноябре 1959 года Япония объявила о принятии на вооружение истребителей «Локхид Ф-104». До 1965 года японские ВВС получили 200 таких самолетов.

«Первая самолетная война», как называли в Японии конкурентную схватку американских авиастроительных корпораций, закончилась в пользу «Локхида» и его тайного агента Кодамы. Двадцать миллиардов иен достались в качестве приза победителям: корпорации «Локхид»,

японской компании «Син Мицубиси дзюкогё», которая занималась сборкой в Японии американских истребителей, Кодаме и через него — верхушке либерально-демократической партии, начиная с Киси.

«Золотой век», прокламируемый ЛДП, действительно воцарился в Японии: за золото можно купить теперь что угодно, даже премьер-министра. Как показали последующие события, этот товар стал наиболее ходовым.

Крылья «Локхида»

В 1969 году «Локхиду» впервые удалось заставить Кодаму подписать контракт. Корпорация готовилась к битве на самом протяженном фронте японского самолетного рынка. Она хотела завоевать рынок для своих многоместных аэробусов «трай-стар», к производству которых приступала. В сравнении с планировавшейся батальей «первая самолетная война» выглядела школьной дракой. Кодаме отводилась роль авангардной силы, которая должна прорвать фронт. Эту роль корпорация и считала нужным зафиксировать в контракте.

15 января стороны — корпорация «Локхид» и Кодама — тайно договорились о нижеследующем. Кодама обязывался способствовать корпорации и всем ее филиалам и дочерним компаниям в продаже продукции в Японии, предоставлять информацию экономического и политического характера, необходимую в борьбе с конкурентами, подыскивать для «трай-стар» и других самолетов «Локхида» возможных покупателей.

Контракт составил Таро Фукуда. ЦРУ давно и пристально следило за деятельностью Кодамы, было отлично осведомлено о возможностях «куромаку», и потому корпорация «Локхид», пользовавшаяся сведениями разведки, безбоязненно поручила Кодаме работу, которой хватило бы крупной торговой фирме и институту, изучающему конъюнктуру, вместе взятым. За услуги «Локхид» положил Кодаме 50 миллионов иен ежегодно.

Помимо контракта, оформившего службу Кодамы в качестве негласного агента «Локхида», корпорация подписала с ним несколько отдельных соглашений, тоже тайных. Они касались условий выплаты комиссионных и

их размеров. «Локхид» уплатит Кодаме 1 миллиард 222 миллиона иен, если он обеспечит продажу любой японской авиатранспортной компании от 3 до 6 самолетов «трай-стар», указывалось в соглашениях. При получении «Локхидом» заказа на семь и больше самолетов, говорилось в соглашениях далее, вознаграждение составит 36 миллионов иен за каждый самолет сверх первых шести. После продажи 15 самолетов Кодаме будет начисляться по 18 миллионов иен дополнительно за проданную машину. Операции подобного масштаба составили бы честь любому торговому дому.

«Локхид» еще только разрабатывал стратегию битвы, а его конкурент — корпорация «Макдонелл-Дуглас» — уже запустил аэробус в серию. Представители «Макдонелл-Дугласа» разъехались по всему свету в поисках покупателей аэробуса. Наиболее успешно подвинулись у коммивояжеров дела в Японии. Тэцу Оба, президент второй по объему перевозок авиатранспортной компании АНА, выразил намерение приобрести многоместные лайнеры корпорации «Макдонелл-Дуглас». Страсть именно к ее продукции разожгли у Оби несколько сот миллионов иен, преподнесенных ему корпорацией к Новому году и к празднику «Бон», когда обмен подарками считается в Японии проявлением хорошего тона.

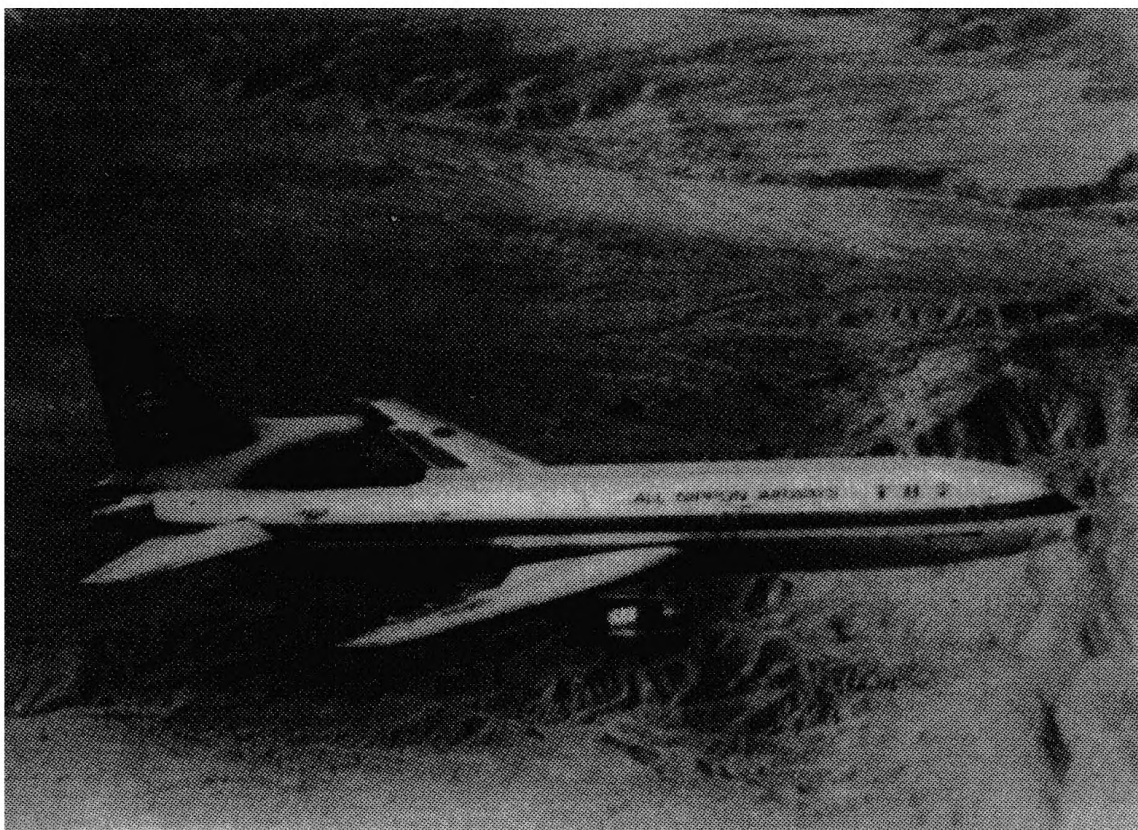
Первого залпа, который сделал «Локхид» в битве с «Макдонелл-Дугласом», никто не услышал, как это и бывает в тайной войне. Удар пришелся по самому важному узлу позиций «Макдонелл-Дугласа» — по президенту АНА. «Локхид» рассудил, что заставить АНА отказаться от покупки самолетов у конкурента можно, лишь убрав Обу с поста руководителя компании. 11 июня 1969 года главная контора «Локхида» в Калифорнии перевела токийскому отделению корпорации 25 миллионов иен. Деньги предназначались Кодаме. «Локхид» выплатил аванс за операцию против Оби. А 17 июня операция началась.

Президент АНА искал деньги. Они требовались для обновления самолетного парка компании, в том числе и для покупки аэробусов корпорации «Макдонелл-Дуглас». Деньги нужны были немедленно и под низкий процент. Тяжелое финансовое положение АНА препятствовало обратиться к банкам, поскольку они брали за ссуду боль-

шие проценты, да и оформление сделки занимало длительное время. 17 июня в токийском небоскребе Касумигасэки, где располагалась АНА, появился брокер подпольной ростовщической фирмы и предложил 50 миллиардов иен. Тэцу Оба отказался. Не потому, что брезговал криминальным денежным источником. Черпать из него не считается позором среди японских дельцов. В мире бизнеса, где понятия о чести и достоинстве прямо противоположны общепринятым нормам человеческой морали, позорно лишь попасться у такого источника. Президента не удовлетворила сумма займа. Четырежды АНА получала предложения от тайных ростовщиков, и каждый раз Оба находил их неподходящими.

Он попался в капкан 28 июля. В тот злосчастный для Тэцу Оба день его посетил Акиёси Судзуки — в прошлом депутат парламента и председатель парламентской комиссии. Он посулил фантастически выгодный заем: 300 миллиардов иен под 4,5 процента годовых с рассрочкой на 30 лет. И Тэцу Оба согласился. Помимо привлекательных условий займа его подкупили респектабельная биография Судзуки и название солидного банка «Когё гинко», который, как уверял брокер, является его гарантом. Обман раскрылся быстро. Из банка сообщили, что никаких связей с Судзуки не имеют, что бывший депутат в действительности жулик, привлекавшийся к судебной ответственности за денежные аферы. Однако было поздно — Оба уже подписал с Судзуки контракт.

План Кодамы удался полностью. Его домашняя «разведслужба» сумела добыть из бухгалтерских книг АНА нужные сведения о финансовом состоянии компании. Акиёси Судзуки точно выполнил возложенное на него задание. Но прежде чем передать в газеты скандальный контракт президента АНА с подпольным ростовщиком, Кодама позвонил Обе. Он поинтересовался здоровьем, спросил, хорошо ли идут дела. Изуверство Кодамы доконало президента. Когда газета «Токио симбун» оповестила читателей о содержании контракта, Тэцу Оба немедленно подал в отставку. Он отлично знал нравы своего круга: делец пользуется уважением, пока ему сопутствует удача, независимо от способа, каким она достигается; делец обречен на презрение, если фортуна поворачивается к нему спиной.

Аэробус «трай-стар».
Корпорация «Локхид» такого типа самолеты
продавала за взятки в Японии.

Восемьдесят четыре миллиона иен, кроме 25-миллионного задатка, заплатил «Локхид» Кодаме за операцию против Тэцу Обы. Об этом свидетельствуют расписки, выданные им корпорации в период между посещением конторы АНА первым провокатором и заявлением Обы о желании уйти из авиатранспортной компании. Преемник Обы — Токудзи Вакаса — уведомил «Макдонелл-Дугласа», что АНА не склонна вводить на своих воздушных линиях аэробусы корпорации.

«Локхид» вклинился в линии фронта и принялся расширять прорыв. Ближайшая цель — побудить АНА повременить с выбором типа аэробуса. «Трай-стар» еще лежал в чертежах, и нужно было выиграть время. Задача, вставшая перед Кодамой, заключала в себе сложности, не шедшие ни в какое сравнение с теми, что преодолел он, ликвидируя Тэцу Обу. К тому же решение этой задачи требовало громадных денег.

Любой крепостью можно овладеть, пустив в нее навьюченного золотом ослика,— истина, которую Кодама не вычитал в книгах, а усвоил на собственном опыте, богатом взяточничеством и злоупотреблениями. Но крепостей было много — верхушка либерально-демократической партии и ее комитет по авиатранспорту, транспортная комиссия парламента, правительственный кабинет, министр транспорта и руководимое им министерство. Для каждой крепости понадобился ослик с достаточным грузом золота.

Выпустить целое стадо из виллы в Тодороки означало привлечь к грандиозной афере всеобщее внимание. Поэтому «Локхид» разделил табун на три косяка: один затрусил к штаб-квартире ЛДП, парламенту и кабинету министров из дома Кодамы, другой — из компании АНА, третий — из торговой фирмы «Марубэни», посредничавшей в Японии в коммерческих делах «Локхида».

Внешне поклажа на осликах выглядела весьма безобидно. Коробки с надписями «калифорнийский рис» и «калифорнийские апельсины» отправляла взяточникам, например, фирма «Марубэни». Коробки содержали пачки из купюр в 10 тысяч иен. Еще более невинными казались расписки «Марубэни» и АНА в том, что они получили от «Локхида» деньги для передачи коррупционерам. Седовласые предприниматели, чьи имена неизменно фигурировали в святцах мировой элиты — справочниках «Кто есть кто в Японии» и «Кто есть кто в США», обменивались, словно дети, записочками: «Отправил сто пинац», «Получил сто штук». Один «пинац» — «арахисовый орешек» — или одна «штука» означали миллион иен. В разное время вкусили «арахисовых орешков» по меньшей мере десятки генеральных секретарей ЛДП, министров, несколько десятков председателей комитетов ЛДП, депутатов парламента, заместителей министров.

20 ноября 1970 года министр транспорта Томисабуро Хасимото объявил, что японские авиатранспортные компании откладывают на два года выбор типа аэробуса, который они станут использовать для воздушных перевозок. «Хасимото щеголяет в «сэтта»», — злословили в кулуарах ЛДП и министерства транспорта. На жаргоне японских коррупционеров национальная обувь «сэтта» — это взятка, полученная в качестве оплаты за уже оказан-

ную услугу. У «сэтта» железная подковка прибита к пятке.

Следующий, после Хасимото, министр, поддержанный комитетом ЛДП по авиатранспорту, предоставил «Локхиду» новый двухлетний льготный срок после истечения предыдущего. Министр разрешил японским авиакомпаниям ввести в эксплуатацию аэробусы не ранее 1974 года. Забота об интересах корпорации объяснялась просто. Когда Хасимото натянул «сэтта», другие высшие правительственные чиновники и партийные лидеры надели «гэта» — у них подковка прикреплена к носку. «Гэта» — взятка-задаток. К 1972 году только через одного Кодаму «Локхид» «обул» высокопоставленных коррупционеров на сумму 230 миллионов иен.

Вот какой диалог состоялся в подкомиссии сената США по делам межнациональных корпораций, разбиравшем в феврале 1976 года «дело Локхида». Участники его — сенатор Чарльз Перси и дававший показания президент «Локхида» Карл Котчиан.

Перси спрашивает:

— В документах имеется указание на выплату корпорацией «Локхид» ста пинац — «арахисовых орешков». Как выяснилось, это 100 миллионов иен. Деньги получил Хироси Ито. Кто такой Ито?

— Исполнительный директор торговой фирмы «Марубэни», — ответил Котчиан.

— Что должен был сделать Ито за 100 миллионов иен? — допытывался сенатор.

— Деньги вручены ему для передачи японским правительственным чиновникам, — объяснил Котчиан.

— Для выплаты правительственным чиновникам? — Перси даже привстал с кресла.

В зале послышались возгласы удивления и возмущения.

— Да, сэр, — спокойно сказал Котчиан, будто речь шла о взносе в благотворительный фонд.

— Получали ли Ито и его сотрудники какие-либо деньги еще? — не унимался Перси.

— Получали. И Ито, и его сотрудники.

— Деньги выплачивались правительственным чиновникам по вашему совету и согласию или с вашего сведения и при консультации с вами?

Перси пытался выяснить пути, по которым взятки текли членам японского правительства и лидерам либерально-демократической партии.

— С моего сведения и после консультации со мной,— отвечал Котчиан.

— Вы обсуждали выплаты как форму ведения бизнеса? — В голосе Перси мелькнули саркастические нотки.

— Да, сэр. Мы обсуждали именно так,— по-прежнему невозмутимо сказал Котчиан.

— С кем обсуждали?

— С теми в Японии, с чьим мнением я считался.

Президент корпорации «Локхид» считался прежде всего с мнением Кодамы. Именно Кодама посоветовал Котчиану обратить особое внимание на Какуэя Танаку, который усиленно пробивал дорогу к постам председателя либерально-демократической партии и премьер-министра. В августе 1972 года вопрос о выплате Танаке взятки встал для Котчиана в практическую плоскость.

«Я встретился с президентом фирмы «Марубэни» Хиро Хиямой 21 августа и попросил его переговорить с Танакой,— рассказал впоследствии Котчиан корреспонденту газеты «Асахи». — Танака только что сделался премьер-министром. На 1 сентября были назначены японо-американские переговоры на высшем уровне,— продолжал Котчиан,— и я опасался, что Танака и Никсон договорятся о приобретении Японией самолетов «Макдоннелл-Дугласа» или «Боинга»».

О чем говорить с Танакой, у Хиямы вопроса не возникало. Единственное, что предстояло ему решить,— это сумма, за какую Танака согласится продать себя «Локхиду». 22 августа ближайший помощник Хиямы — генеральный директор «Марубэни» Тосихару Окубо — сказал Котчиану: «Обычная сумма, которую просят за содействие важной сделке, составляет 500 миллионов иен. Можно, конечно, заплатить и меньше.— Окубо словно извинялся за непомерный аппетит японских политических воротил.— Но если хотите успешно продавать самолеты,— голос Окубо зазвучал увереннее,— надо пообещать Танаке 500 миллионов». Котчиан не возражал. «Держите наготове 500 миллионов, обязательно наличными,— порекомендовал Окубо и добавил: — Ждите моего сигнала».

В тот же день Котчиан навестил Кодаму. Президента «Локхида» интересовало, может ли Кодама познакомить его с Кэндзи Осано, финансовым магнатом и близким другом Танаки. Котчиан для верности обкладывал премьер-министра со всех сторон. «Нет ничего проще!» — всплеснул руками Кодама.

Для него познакомить Котчиана с Осано действительно не представляло труда. Осано — друг Кодамы. Их сблизило общее уголовное прошлое. Когда Кодама попал в тюрьму как военный преступник, Осано отбывал срок за хищение большого количества бензина со складов американской оккупационной армии. Осано, возглавлявший теперь промышленную компанию «Кокусай когё» с 15 тысячами рабочих и служащих, сколотил состояние, подобно Кодаме, воровством и спекуляцией. Одну из бесчисленных афер он провернул вместе с Кодамой. Зная заранее, где будет прокладываться государственная железная дорога, они приобрели землю вдоль будущей трассы по 2,5 тысячи иен за квадратный метр, а потом продали государству эту землю, но уже по 60 тысяч иен за квадратный метр — в 24 раза дороже, чем купили.

«Дайте Осано 500 миллионов иен, и у вас не станет никаких забот», — сказал Кодама Котчиану. Спустя пять лет в интервью корреспонденту «Асахи» Котчиан заметил: «22 августа 1972 года я понял, что у японских политических деятелей и бизнесменов, берущих взятки, существует единая такса — полмиллиарда».

23 августа Хияма известил Котчиана, что говорил с Танакой. Сумма взятки премьера удовлетворила. Танака заверил: «Все будет в порядке». Через месяц — Котчиан все еще находился в Токио — подал восточку и Кодама. Кэндзи Осано беседовал с генеральным секретарем кабинета министров Сусуму Никайдо, сообщил «куромаку». Никайдо сказал: «Все будет в порядке». Дословное совпадение обещаний премьер-министра и генерального секретаря правительства вызвали у Котчиана понимающую усмешку.

Корпорация «Макдонелл-Дуглас» не собиралась, однако, сдаваться. Она нанесла ответный удар и чуть было не погубила столь прибыльное «дело Локхида». 5 октября 1972 года телефонный звонок разбудил Котчиана в 6 часов утра. Перепуганный Таро Фукуда, мешая от волнения

Аэробус «трай-стар» в Токийском аэропорту.
В центре — Карл Котчиан.

английские слова с японскими, прокричал: «Катастрофа! Правительство распорядилось, чтобы самолеты «трай-стар» купила компания ДЖАЛ, а АНА приобрела аэробусы корпорации «Макдонелл-Дуглас»».

Это была поистине катастрофа. Крупнейшая японская авиатранспортная компания ДЖАЛ не нуждалась сию минуту в многоместных самолетах, и ее заказ «Локхиду» мог последовать лишь через несколько лет. АНА же намеревалась купить сразу 6 таких самолетов, через короткое время — еще 15 аэробусов и в недалеком будущем — целых 25 машин. Миллиард долларов сулила сделка! «Ищите Кодаму!» — рявкнул в телефонную трубку Котчиан.

Фукуда разыскал Кодаму к вечеру. «Куромаку» спокойно выслушал Котчиана. Подумал. Не спеша набрал номер на диске телефонного аппарата. Добрых пять минут, показавшихся Котчиану и Фукуде недель, обменивался с собеседником на другом конце провода велере-

чивыми любезностями, которыми так богат японский язык. Наконец сказал: «Решение правительства относительно аэробусов вряд ли можно считать правильным». И снова посыпались любезности, на сей раз прощальные. Кодама звонил министру внешней торговли и промышленности.

Минуло менее суток. Днем 6 октября Котчиан узнал от Фукуды, что решение правительства аннулировано и следует ожидать официального заявления АНА о покупке самолетов «трай-стар». Но Котчиан, хорошо знакомый с повадками «Макдонелл-Дугласа» и отлично осведомленный о фанатической продажности людей, с кем имел дело, не собирался бездейственно ждать. Хияма был вторично послан к премьер-министру Танаке. Тот опять уверил президента «Марубэни»: «Все будет в порядке». Котчиан захотел лично поговорить с министром транспорта Хидэо Сасаки. Неудача: министр в служебной поездке за границей. Что делать? Котчиан позвонил Кодаме. «Нет ничего проще!» — обычной своей фразой ответил Кодама. Через несколько минут он сообщил Котчиану, что Сасаки отозван из командировки и вот-вот прибудет в Токио.

29 октября в теленовостях Котчиан услышал: «Авиатранспортная компания АНА пришла к решению купить аэробусы «трай-стар» американской компании «Локхид»».

Однако где же заявление об этом самой АНА? В 10 часов вечера Котчиану позвонил Окубо.

«Чтобы такое заявление последовало,— сказал он,— от вас требуются 120 миллионов иен наличными. Причем 30 миллионов завтра к утру».

«Для кого деньги?» — спросил Котчиан.

«Девяносто миллионов для президента АНА Токудзи Вакаса,— принялся перечислять Окубо.— Остальные 30 миллионов надо поделить между генеральным секретарем либерально-демократической партии Томисабуро Хасимото, генеральным секретарем кабинета министров Сусуму Никайдо, министром транспорта Хидэо Сасаки, а также председателем комитета ЛДП по авиатранспорту и двумя заместителями министра транспорта».

Имя генерального секретаря ЛДП Томисабуро Хасимото Котчиан помнил. Помнил и сумму, в какую «Лок-

хиду» обошлась отсрочка выбора японскими авиакомпаниями типа аэробуса. Отсрочку устроил Хасимото, занимавший тогда должность министра транспорта.

Котчиан передал Окубо 30 миллионов иен в 10 часов утра 30 октября. В 6 часов вечера президент корпорации «Локхид» и президент авиатранспортной компании АНА Токудзи Вакаса подписали соглашение на продажу «Локхидом» в Японии первых шести самолетов «трай-стар». Совершение сделки поручалось фирме «Марубэни», торговому посреднику корпорации.

30 января 1978 года на очередном судебном заседании по «делу Локхида» Окубо подтвердил, что именно выплата в качестве взятки 30 миллионов иен указанным политикам ускорила сделку.

После подписания соглашения прошло семь месяцев. В калифорнийской конторе «Локхида» в кабинете Котчиана раздался телефонный звонок. Президента вызывал из Токио Тосихару Окубо, генеральный директор фирмы «Марубэни». «Пора отдать долг чести», — напомнил Окубо. Это означало, что премьер-министр Какуэй Танака ждет обещанные 500 миллионов иен.

10 августа 1973 года в узкой токийской улочке близ английского посольства встретились будто невзначай исполнительный директор «Марубэни» Хироси Ито — тот, чье имя попало в протокол показаний Котчиана в подкомиссии сената США в феврале 1976 года, и секретарь премьер-министра Тосио Эномото. Ито вручил секретарю Танаки картонную коробку, которую Эномото и доставил незамедлительно премьер-министру. Тот пересчитал пачки десяти тысячеиеновых бумажек, находившиеся в коробке. Их оказалось ровно сотня по миллиону в каждой. Ито и Эномото встречались еще трижды — на улице, на автомобильной стоянке отеля «Окура», в доме самого Ито, и Эномото всякий раз уходил, сгибаясь под тяжестью миллионов, уложенных плотными рядами в неприметных коробках, в каких развозят кока-колу, жевательную резинку или сигареты.

Когда три года спустя на процессе по «делу Локхида» судья спросил подсудимого Хироси Ито об этих встречах, исполнительный директор фирмы, чье название горит неонов на фасадах самых шикарных зданий в десятках столиц мира, заявил, что он выполнял обязанности про-

стого мальчишки-посыльного. «Да, я получал картонные коробки от представителя «Локхида» и передавал их Эномото,— признал Ито.— Но убей меня бог, если я ведал, что в этих коробках!» Ито недоуменно пожал плечами. «В коробках находился «долг чести»,— мог бы подсказать судья, если б знал о телефонном разговоре Окубо с Котчианом. Выплату такого «долга» уголовный кодекс квалифицирует как взяточничество в особо крупных размерах.

Победа в «битве аэробусов» стоила корпорации «Локхид» почти 2 миллиарда иен. Около 1,4 миллиарда иен корпорация выплатила взяточникам через Кодаму. Часть суммы осталась у самого «куромаку» — гонорар, предусмотренный соглашением о соучастии в преступных действиях «Локхида».

То были наиболее прибыльные для Кодамы годы. Долго готовился он к этой поре, прилагал силы, чтобы приблизить ее, и дождался: с приходом к власти Какуэя Танаки коррупция приняла в Японии масштабы, перед которыми бледнела вся многовековая история мздоимства, начиная с библейских времен.

Купить премьер-министра

Кодама впервые назвал Котчиану имя Танаки, когда тот возглавлял министерство внешней торговли и промышленности. Кодاما уже подкармливал честолубивого и алчного политика — выплатил его фракции 70 миллионов иен — и хотел, чтобы «Локхид» тоже содействовал Танаке в борьбе за власть. Борьба приобрела особенно ожесточенный характер в июле 1972 года на съезде ЛДП, на котором за право стать председателем партии и премьер-министром Танака схватился с Такэо Фукудой.

В первом туре голосования Танака набрал 156 голосов делегатов съезда. Такэо Фукуда отстал совсем немного — на шесть голосов. Судьбу высших постов в партии и в правительстве определил второй тур голосования. Он завершился полным триумфом Танаки, который получил на 90 голосов больше, чем соперник.

Через четыре года Фукуде задали в парламенте вопрос: считает ли он достоверными высказывания печати, что председателя партии избрали в 1972 году не делегаты съезда, а деньги? Фукуда ответил: «Да, газеты правы. Деньги сыграли на том съезде невиданную доселе роль». Танака и Кодама выплатили делегатам съезда почти 1,5 миллиарда иен. Как и четверть века назад, когда Кодама мостил деньгами путь к власти для новой партии, курьер от «куромаку» объехал накануне дня решающего голосования многих делегатов и вручил им увесистые пачки денег.

Кодама заметил Танаку в 1948 году. За обещание спасти шахтовладельцев острова Кюсю от национализации принадлежащих им рудников депутат парламента и заместитель министра юстиции Танака хапнул безрасходно много и слишком открыто. Шесть месяцев тюрьмы и двухлетний испытательный срок — таковым был приговор окружного суда. Танака отбыл лишь часть наказания. Теперь считают, что Верховный суд отменил приговор не без участия Кодамы.

Кодама неизменно испытывал сердечное влечение к преступникам из числа политиков, особенно к тем, кто с одинаковым пренебрежением относился и к уголовному кодексу, и моральным заповедям. Такие люди всегда находили в Кодаме верного защитника, ибо он видел в них будущих руководителей консервативной партии и буржуазного правительства.

После отсидки Танака занялся предпринимательством. Он купил в префектуре Ниигата железнодорожную компанию, сделался председателем или президентом еще шести фирм. Хорошо усвоив, что в «обществе равных возможностей» реализовать свои шансы на увеличение прибылей можно лишь посредством взяток, Танака роздал 11 миллионов иен депутатам местного муниципалитета. И снова попался.

В 1955 году полиция арестовала нескольких служащих железнодорожной компании, произвела обыск в ее конторе. Однако следствие вдруг застопорилось. Повторилось то, что произошло в 1948 году, когда Верховный суд проявил благосклонность к Танаке. На сей раз коррупционер выпутался сам, без помощи Кодамы. Администрация железной дороги пригласила высокопостав-

ленных полицейских чинов Ниигаты на курорт Ито. Целебная вода тамошнего горячего источника поправила здоровье полицейских, однако начисто отшибла у них память обо всем, что касалось дела о взятках.

Методы, которыми Танака сплавивал вокруг себя сторонников, явно заимствованы из арсенала Кодамы. В муниципалитет префектуры Ниигата приходил хозяин строительной фирмы. Он просил заказ на сооружение участка дороги, которую государство собирается проложить через префектуру. Муниципальный чиновник лез в бумаги, листал их и говорил: «На прошлых парламентских выборах в вашем поселке за Танаку было подано недостаточное число голосов. Думаю, что вы вряд ли получите заказ». Нечего и говорить, что на следующих выборах хозяин строительной фирмы оказывался самым энергичным в своем поселке агитатором за Танаку.

«Дурная слава тысячу верст бежит» — учат японских детей в школе. Так действительно и бывает везде, кроме политической жизни консерваторов. В 1957 году Танаку назначили министром связи. В 1962 году он стал министром финансов. Три года спустя Танака — генеральный секретарь либерально-демократической партии и министр внешней торговли и промышленности. 7 июля 1972 года он занял пост премьер-министра.

Чтобы удержать власть, денег требуется не меньше, чем для завоевания ее. За время премьерства Танака пожаловал членам поддерживавшей его фракции 1,7 миллиарда иен. «Когда я впервые баллотировался в депутаты, я однажды посетил Танаку, — написал в газете «Асахи» один из участников фракции Танаки. — Он полез в карман пальто, вынул пачку денег и дал их мне. Там было 50 тысяч иен. В следующий раз он дал 200 тысяч, в третий — 300 тысяч».

«500 миллионов — успех, 300 миллионов — провал» — такова калькуляция, получившая форму поговорки, и она известна тем, кто мечтает быть избранным в японский парламент. Кандидат в депутаты, потративший в ходе предвыборной кампании 500 миллионов иен, может надеяться занять кресло в парламенте. Тот, кто расходует только 300 миллионов иен, депутатского мандата не увидит. Деньги обеспечивают консерваторам парламентское большинство, хотя опросы населения показывают:

политику ЛДП поддерживают менее половины избирателей.

Фракция Танаки тратила на выборы по 20—25 миллиардов иен. Откуда у Танаки столь громадные средства, если, согласно сведениям министерства по делам органов местного самоуправления, «политические пожертвования», собираемые его фракцией через общественные организации, не превышали 1 миллиарда иен в год?

Помните спекулятивную сделку Кодамы с земельным участком в Хатиодзи? Танаке перепал тогда не один десяток миллионов иен. Свое служебное положение премьер-министр превратил в исключительно выгодный товар.

«Семьдесят процентов нашей коммерческой деятельности связано с государственным строительством,— поведал на страницах журнала «Бунгэй сундзю» владелец крупной строительной фирмы.— Получение правительственных подрядов — вопрос жизни и смерти для нас. Очень важно узнать о планах такого строительства раньше конкурентов и быстрее их подать заявку. Вот тут-то и помогают нам политические деятели,— раскрыл делец механизм подкупа министра финансов, министра внешней торговли и промышленности, премьер-министра — все эти должности поочередно занимал Танака.— Каждый раз, когда я ставлю печать на документе, санкционирующем политическое пожертвование такому деятелю,— делец придерживался терминологии, принятой у консерваторов, и взятку именовал «политическим пожертвованием»,— я могу с точностью сказать, какие коммерческие выгоды мы обретем в обмен на конкретную сумму».

Подавляющее большинство документов, на которых стоят печати строительных и иных фирм и которые выписаны на имя Танаки, составлено при участии Кодамы. Он сводничал между торговавшим собой премьер-министром и его клиентами и сам извлекал прибыль из их преступной связи. У Кодамы существовал тариф, согласно которому наименьший размер комиссионных выражался цифрой 10 миллионов иен. Какими же должны быть в этом случае доходы премьер-министра? Взятка от «Локхида» дает некоторое представление о них.

23 августа 1972 года президент «Марубэни» Хиро

Противолодочный самолет «П-3С Орион».

Хияма и генеральный директор фирмы Тосихару Окубо явились в личную резиденцию Танаки, поздравили его со вступлением в должность главы правительства, и Хияма без долгих околичностей предложил премьеру 500 миллионов иен за содействие в продаже самолетов «трай-стар» авиатранспортной компании АНА. Танака весело воскликнул: «Ёсся, ёсся!» («Лады, лады!») Премьер бравировал простым происхождением и не упускал случая вернуть жаргонное словечко. Радовался Танака вдвойне: солидному кушу и возможности скрыть его от министерства по делам органов местного самоуправления, то есть возможности распоряжаться деньгами бесконтрольно.

Танака смекнул, что «Локхид», раскошелившийся на полмиллиарда иен, не станет мелочиться и впредь. На переговорах 1 сентября 1972 года с президентом США Никсоном в Гонолулу Танака не только согласился на импорт «трай-стар». Под будущую взятку — а в том, что ее предложат, он не сомневался — Танака пообещал изыскать способ закупки для японских военно-воздуш-

ных сил нового противолодочного самолета «Локхида» — «П-3С Орион». Танаку не смутило, что его предшественник — премьер-министр Эйсаку Сато — постановил производить противолодочные самолеты в Японии. Танака недаром носил прозвище «бульдозер»: он мог без малейшего стеснения разорвать любой правительственный указ и принять диаметрально противоположное решение, если это приносило ему выгоду.

9 октября собравшиеся на совещание члены совета национальной безопасности ждали председателя совета — премьер-министра. Танака появился вместе с заместителем генерального секретаря кабинета Масахару Готода и начальником бюджетного управления министерства финансов Хидэюки Аидзава. «Правительство считает неправильным производить в Японии противолодочные самолеты, — заявил Танака. — Наиболее предпочтительными среди импортных машин нам представляются «П-3С Орион» корпорации «Локхид»». Танака говорил отрывисто и резко. Готода и Аидзава, как заведенные, кивали в такт словам премьера. Несколько минут назад они обсудили с ним заявление и своим видом показывали, что полностью его разделяют.

Воцарилось тягостное молчание. Члены совета надеялись, что гнетущую паузу прервет министр внешней торговли и промышленности Ясухиро Накасонэ, ярый сторонник отечественного производства противолодочных самолетов. Но министр сидел с отсутствующим выражением на лице. Потом Накасонэ спросили, почему он не опротестовал решения Танаки. «Я присутствовал на совете как наблюдатель, — выгораживал себя министр. — Да и не в моих правилах вмешиваться в дела других министерств и ведомств».

Когда достоянием гласности сделались расписки Кодамы в получении денег от «Локхида», выяснилось, что за три дня до совещания Кодаме доставили из США 5 миллионов иен. Через десять дней после совещания — 95 миллионов. Еще день спустя — 80 миллионов. Между 6 октября и 6 ноября 1972 года Кодама расписался за 1 миллиард иен. «Локхид» действительно не мелочился, оплачивая услуги председателя совета национальной безопасности, его членов и, разумеется, наблюдателя, который присутствовал на совещании. Мелочиться резона

не было, ведь один самолет «П-3С Орион» стоил 10 миллиардов иен, и, по расчетам «Локхида», Япония нуждалась по меньшей мере в 50 таких самолетах.

В июне 1973 года усилия Кодамы по продвижению «П-3С Орион» на японский рынок обрели договорную основу. Корпорация «Локхид» подписала с Кодамой соглашение, гарантировавшее ему 2,5 миллиарда иен, если Япония купит противолодочные самолеты. Корпорация шла на любые расходы во имя грядущих многомиллиардных прибылей. В 1973 году она тайно перевела в Японию 846 миллионов иен, в 1974 году — 363 миллиона. Деньги Танаке были весьма кстати — он начал готовиться к парламентским выборам, на которых собирался выставить от своей фракции 62 кандидата в депутаты, и ему требовалось 30 миллиардов иен.

Танака не довел до конца операцию с самолетом «П-3С Орион». Монополистический капитал пришел к выводу, что Танака зарвался. К тому времени он выполнил политические задачи, поставленные перед ним капиталом, и предприниматели больше не нуждались в нем. Не исключено, что японские монополии возмутились и прямым посягательством на их прибыли: они сами надеялись заработать на производстве противолодочных самолетов. В печать загадочным образом просочились сведения о некоторых махинациях премьер-министра, достаточные, чтобы он не смог удержаться у власти, однако слишком скудные для следственных органов. Предприниматели сохранили верность принципу не выносить грязь из либерально-демократического дома. Ведь в противном случае требовалась такая уборка, после которой можно было недосчитаться слишком многих нечистоплотных его хозяев. В конце 1974 года Какуэй Танака покинул резиденцию премьера.

За два месяца до его отставки журнал «Бунгэй сундзю» привел слова вице-президента «одной из гигантских», как написал журнал, фирм в Японии: «Я мог бы сообщить немало случаев, когда Танака выкручивал нам руки за то, что мы вносили мало, с его точки зрения, пожертвований в фонд его фракции. Он слишком рьяно насаждает свою плутократию и власть». Покидая особняк, отведенный главе правительства, Танака бросил: «Не я один делал это». Что верно, то верно: брали взят-

ки и злоупотребляли служебным положением премьер-министры и до него.

Один из бывших лидеров либерально-демократической партии, Токума Уцуномия, отказавшийся от членства в ЛДП и сложивший с себя полномочия депутата парламента после разоблачения скандала со взятками «Локхида», с горечью говорил: «Такие «куромаку», как Кодама, и послушные им политические марионетки расплодились и приобрели влияние и власть в партии и правительстве после второй мировой войны, потому что не произошло тщательной чистки Японии от фашистов и беспринципных довоенных политиков, которые за деньги готовы служить и богу и дьяволу».

Корреспондент французской буржуазной газеты «Фигаро» Макс Кло написал в очерке о Японии: «Я сто раз задавал своим собеседникам один и тот же вопрос: «Кто управляет — правительство или предприниматели?» Ответ слышал один и тот же: «Предприниматели». Ныне выяснилось: рядом с предпринимателями находится место и фашиствующим гангстерам, метко прозванным «людьми за черным занавесом». Всякий, кто располагает достаточными средствами, чтобы оплачивать существование правящей либерально-демократической партии, избирательные кампании ее руководителей и их расходы на весьма безбедную жизнь, может руководить государственными делами. Один из японских журналистов обронил фразу, заслуживающую стать крылатой: «Если коррупция неотделима от нашей демократии, значит, коррупция демократична».

Дым без огня

В токийском отеле «Империял» чествовали нового президента махрово-черносотенного журнала «Япония и японцы». Важные представители делового мира, депутаты парламента от либерально-демократической партии, министры съехались на богатый прием. Говор, стук ножей и вилок стих, когда к микрофону подошел тот, на чьи деньги издавался журнал и кто являлся истинным его хозяином. Это был Есио Кодама.

— Человек формируется не в вакууме, — тоном оракула произнес он. — Человека воспитывает окружающая

среда. Японское общество создает японцев.— Кодама подразумевал общество ему подобных.

Кодама не подозревал, что совсем скоро японский народ получит исчерпывающее подтверждение его словам. Минут сутки, и Япония содрогнется, узнав, какого морального монстра взрастило буржуазное общество — среда стяжателей, лихоимцев и коррупционеров. В те самые минуты, когда гости Кодамы с криком «Кампай!» («За ваше здоровье!») подняли бокалы, в Вашингтоне в сенатской подкомиссии по делам межнациональных корпораций закончились приготовления к слушаниям свидетельских показаний по самому громкому после Уотергейта скандалу: о взятках, которые «Локхид» выплачивал за границей с целью завоевать рынки.

Едва открылись слушания, как Таро Фукуду вызвали по телефону из Калифорнии. Корпорация «Локхид» известила, что имя Кодамы значится первым в списке получателей незаконных выплат. В мгновение ока Фукуда примчался на виллу в Тодороки.

— Я их не понимаю,— проговорил Кодама, имея в виду руководство «Локхида». В голосе явственно прозвучала тревога.— Ведь они уверяли, что не впутают меня в неприятности! Работать, скоты, не умеют! — Тревогу сменила злость.— Если они джентльмены,— Кодама сказал это без тени иронии,— то обязаны найти человека, который взял бы вину на себя.— Кодама имел в виду распространенный среди японских буржуазных политиков и дельцов способ спасения от правосудия, сходный с тем, который предложил небезызвестному Остапу Бендеру зицпредседатель Фунт. Воистину уловки жуликов, бегущих от закона, одинаковы на всех широтах.— Впрочем, время упущено.— Кодама лихорадочно искал путь к спасению.— Остается единственное: все отрицать.

Такой же способ уклониться от наказания избрали и другие участники скандала. По настоянию депутатов от оппозиции руководителей фирмы «Марубэни», компании АНА и дельца Кэндзи Осано вызвали 16 февраля 1976 года в парламент для допроса по «делу Локхида». 50 миллионов японцев, наблюдавших парламентский допрос по телевидению, оказались свидетелями спектакля, разыгранного коррупционерами. Они играли роль Незнайки — персонажа из популярной детской сказки.

— Вы когда-нибудь разговаривали с премьер-министром Танакой о закупке самолетов «П-3С Орион»? — спросили депутаты Осано.

— Не помню, — ответил он.

— Вас рекомендовал Котчиану Кодама? — продолжали допытываться депутаты.

— Нет, не Кодама.

— А кто?

— Забыл.

— Часто ли вы встречались с Кодамой?

— Не могу припомнить.

— Кодама бывал у вас в доме?

— Кажется, бывал.

— Зачем он приезжал?

— Попить чаю...

Допросы предпринимателей из «Марубэни» и АНА как две капли воды походили на этот.

Смехотворность и лживость уверток взяточников были предельно очевидными. Родилась эстрадная песенка, в которой дуэт вел диалог: «Ты говорил мне о любви», — пела певица. «Не помню», — отвечал певец, точно воспроизводя голос и интонации президента АНА Токудзи Вакаса. «Ты клялся в верности», — вступала певица. «Забыл», — утверждал певец. В школьных дворах детей сотрудников фирмы «Марубэни» заставляли играть в «показания». На любой вопрос от них требовали ответ: «Я не помню этого». В Токио стал выходить журнал «Сюкан пинац» — «Еженедельный арахисовый орешек», где описывались случаи коррупции в деловых, политических и чиновничьих кругах, делавшиеся достоянием гласности. Многотысячные демонстрации токийцев собирались у здания «Марубэни» и АНА. Демонстранты несли макеты самолета «трай-стар» с нарисованными на фюзеляжах арахисовыми орешками. Настоящими орешками они усыпали тротуар у входа в здания компаний «Марубэни» и АНА.

Кодама прийти в парламент не пожелал. Он сказался больным.

Прокуратура тем временем вела следствие. Пятьдесят пять тысяч человеко-дней потратили ее чиновники на изучение 66 800 документов, изъятых при обысках в 143 местах. Следователи допросили 480 свидетелей.

Однако встретиться с главными свидетелями они не смогли.

16 февраля, в день открытия в парламенте слушаний по «делу Локхида», на площадке для гольфа умер натурализовавшийся в Японии индонезиец Сударди. Врач констатировал смерть от острой сердечной недостаточности. Сударди знали как президента японской торговой фирмы «Венас». Когда полиция прибыла по адресу, по которому, как указывалось в визитных карточках Сударди, должна располагаться фирма, полицейские обнаружили лишь вывеску на фасаде здания, но самой фирмы не нашли. Ее не существовало. Потребовалось недолгое расследование, чтобы установить: на банковский счет мифической фирмы из калифорнийской конторы «Локхида» через Гонконг переводились в Японию десятки миллионов иен. Что делал с ними Сударди, если он ничего не покупал, не вкладывал деньги в недвижимость, не приобретал акций? — вопрос, который очень интересовал следователей. Расследование показало, что за три дня до внезапной смерти Сударди прошел врачебное освидетельствование. В его медицинской карточке записано: сердце — в норме.

Всезнающие японские репортеры немедленно вспомнили, что в 1974 году аналогичная смерть настигла Наоси Мацуи, начальника отдела фирмы «Марубэни». Медицинское заключение о кончине Мацуи дословно повторяло заключение врача, составленное по поводу смерти Сударди. Журналисты расположили в хронологической последовательности события, связанные с «делом Локхида», и предстала следующая картина.

Сразу вслед за тем, как в результате закулисных действий Кодамы, Осано, Танаки компания АНА объявила о приобретении самолетов «трай-стар», Мацуи от имени фирмы «Марубэни» повел торговые переговоры с «Локхидом» об импорте машин. Подписав контракт, он, ко всеобщему изумлению, подал в отставку, хотя проработал в «Марубэни» двадцать лет и мог рассчитывать на большую пенсию. Репортеры припомнили, что Мацуи после заключения сделки с «Локхидом» находился в подавленном состоянии. Через полтора года его не стало. Не потому ли, что он многое знал и с тем, что знал, не соглашался? Следователям хотелось теперь получить

ответ и на этот вопрос. «Я сыт по горло грязной работой»,— сказал Мацуи незадолго до смерти. Друг Мацуи передал следователям его слова.

Не успели допросить следователи и Таро Фукуду. Вскоре после получения повестки из прокуратуры он скончался. «Скоропостижно»,— сказали врачи. Иное мнение у ведущего японского политического обозревателя Хироси Осанаи. «Вполне естественно предположить, что Фукуду убили»,— заявил он. Предположение превратилось в уверенность, когда Кодама отказался на суде признать подлинность контрактов и соглашений, подписанных им с корпорацией «Локхид». «Эти документы составлены на английском языке Фукудой, и я не знаю, о чем в них говорится,— уверял он судей.— У Фукуды имелась моя факсимильная печать. Может, он и приложил ее к документам».

После беседы со следователем покончил с собой шофер Танаки Масанори Касахара. Он возил секретаря премьер-министра Эномото за деньгами к исполнительному директору фирмы «Марубэни» Ито. «Касахара отравил себя выхлопными газами в автомашине»,— значится в полицейском протоколе. Отравился или отравлен?— подвергли газеты сомнению вывод полицейских. Основание подозревать убийство дало согласие Касахары сотрудничать со следствием.

Чуть не лишилось следствие и ключевой фигуры скандала — Ёсио Кодамы. Спортивный самолет, за штурвалом которого сидел ультраправый националист Мицуюсу Маэно, спикировал на виллу Кодамы. Пилот погиб, Кодама же отделался испугом. По утверждению сподвижников Маэно из фашистского «Корпуса защиты Великой Японии», фанатика возмутило, что «Кодама обесчестил самурайство и запятнал свою репутацию лидера правых сил». Чтобы покушение и вправду выглядело местью экзальтированного одиночки, перед вылетом Маэно вырядили в форму летчика-камикадзе периода второй мировой войны.

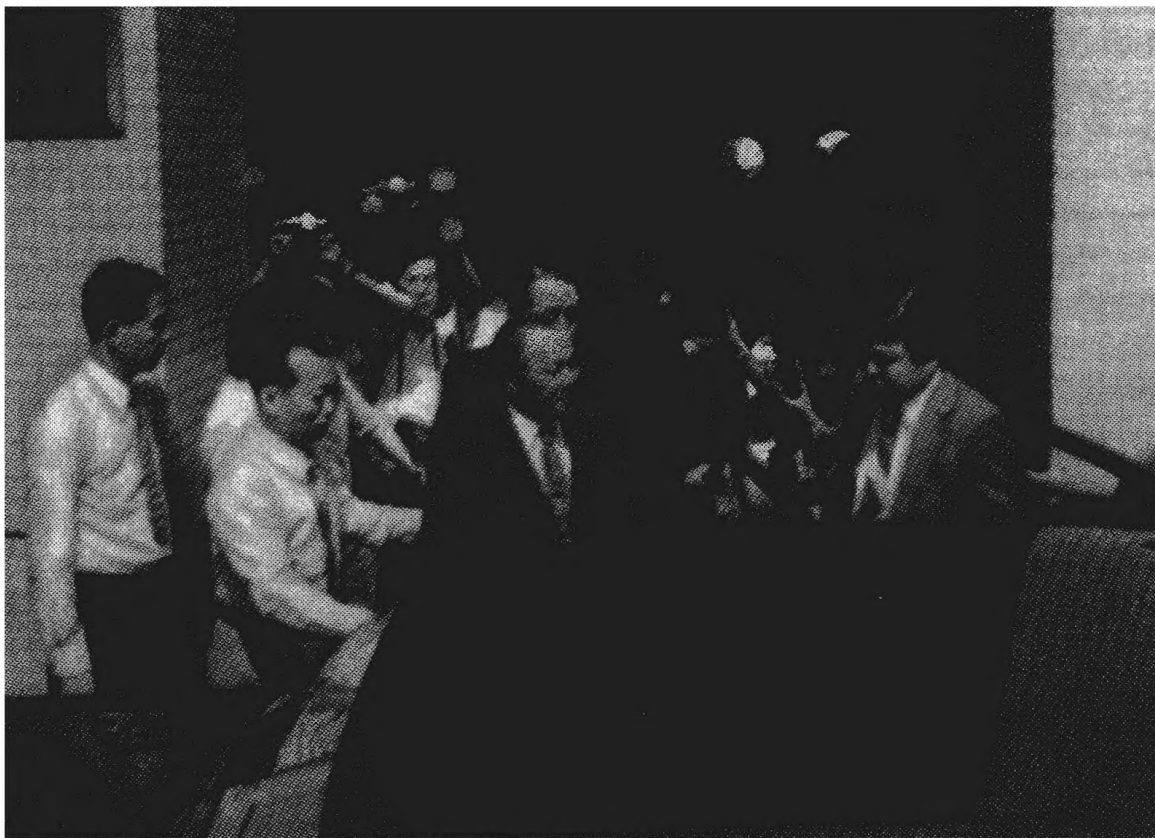
Покушение действительно было местью, но не Маэно. Японский журнал «Сюкан иомиури» написал, что Центральное разведывательное управление США уже через несколько дней после разоблачения Кодамы в сенатской подкомиссии распорядилось «убрать» слишком осведом-

ленного участника скандала. Вечное молчание Кодамы необходимо и верхушке ЛДП, ибо если «куромаку» заговорит, то «опустеет,— по выражению газеты «Асахи»,— весь правительственный квартал Касумигасэки». В этом токийском квартале расположено большинство министерств.

Трехтысячестраничный фолиант подготовила прокуратура за полгода следствия. В нем достаточно материала, чтобы привлечь к уголовной ответственности 130 высших правительственных чиновников, ведущих консервативных политических деятелей, известнейших представителей деловых кругов. Более 2,7 миллиарда иен выплатила им корпорация «Локхид», в том числе Кодаме — 1,9 миллиарда. Однако гора следственных усилий родила мышь: на скамье подсудимых 17 человек. Монополистический капитал и верхушка либерально-демократической партии отдали их на закланье потому, что полностью игнорировать требования покарать взяточников они не могли, рискуя вызвать гнев не только трудящихся, но и средних слоев.

«Большой локхидовский скандал — набат тревоги, предупреждающий, что либерально-демократическое правительство погрязло в коррупции и злоупотреблениях, что политики ради денег идут на все,— воззвала буржуазная газета «Асахи».— Мы должны превратить удары набата в поминальный звон по политике, основанной на силе денег». Следовало отдать дань моральному возмущению буржуа, которые мечтают о денежном успехе, но лишены в условиях капиталистической действительности легальных возможностей его достичь. Суд над 17 коррупционерами призван выпустить пары негодования из социального слоя, служащего опорой консерваторам.

Отдавая некоторых взяточников на закланье, верховные жрецы японского общества донельзя затупили оружие, которым протыкают жертв. И жертвы безошибочно ощутили это. Подсудимые полностью отрицают факты, хотя они неопровержимы, абсолютно не соглашаются со свидетельскими показаниями, достоверность которых подтверждена документами, и категорически не признают вину, несомненную даже для тех, кто ни разу в жизни не держал в руках уголовный кодекс.

Бывший премьер-министр Японии Какуэй Танака
выходит из здания полицейского управления
после допроса.

Дело слушается в трех отдельных судебных заседаниях. В одном из них предстали перед законом Кодама и его секретарь. В другом — Какуэй Танака, секретарь бывшего премьер-министра Тосио Эномото и руководители фирмы «Марубэни» Хиро Хияма, Тосихару Окубо и Хироси Ито.

— Ваша честь, я клянусь, что не имею никакого отношения к разбираемому делу.— Голос Танаки дрогнул, на глазах появились слезы.— Я никогда не получал 500 миллионов иен от корпорации «Локхид»,— продолжал Танака, стараясь, чтобы на галерее для зрителей обратили внимание, как трудно ему справиться с волнением.— Я не знаю, почему и за что меня обвиняют.

Соседи Танаки по скамье подсудимых не пустили слезу, вспомнив, наверное, японскую поговорку: «Не доверяй смеющейся женщине и плачущему мужчине». К тому же они слышали: с галереи для зрителей раздались про-

нические реплики, когда говорил Танака. Хияма взял ампула исключительно учтивого джентльмена.

— Я посетил Танаку только для того, чтобы поздравить с вступлением в должность главы правительства,— заявил Хияма.

Окубо представился забывчивым чудаком, который в футляр от очков всовывает чайные ложки, а в стакане помешивает очками.

— Когда мы пришли к Танаке,— объяснил он судьям,— Хияма познакомил меня с премьер-министром, и я сразу отошел в сторону. О чем у них состоялся разговор, не знаю. С какой целью представитель «Локхида» Котчиан связывался через меня с Ито и о готовности каких коробок, предназначенных Танаке, говорил мне, не помню.

В третьем судебном заседании участвуют бывший генеральный секретарь ЛДП и министр транспорта Томисабуро Хасимото, его бывший заместитель, а также шесть наиболее крупных чиновников компании АНА вместе с Токудзи Вакасой. Их показания столь похожи на те, что слышали судьи и от Кодамы, и от Танаки, и от дельцов из «Марубэни», что напрашивается мысль о плагиате.

Особенно плохо с памятью обстоит дело у свидетелей. Один за другим отказались они в суде от прежних заявлений. Подготовленный прокуратурой том следственных материалов толщиной 13 сантиметров быстро подтаял: из него исключены многие документы.

«Допрашивавший вас в прошлом году следователь сделал такую пометку в протоколе...— Судья сделал паузу, чтобы свидетель понял важность того, что сейчас услышит.— «Свидетель говорил свободно и много, и я с трудом успевал записывать».— Судья вопрошающе посмотрел на человека, занимавшего свидетельское место.— Почему же теперь вы не желаете говорить?

— Ваша честь,— заторопился свидетель,— если в следственном протоколе указано, что я рассказал о том, о чем вы меня спрашиваете, значит, я должен был рассказать это.— Свидетель явно намекал на давление со стороны следователя.— Но я совсем не помню, как произошло то, что вас интересует. Я думаю, этого вовсе и не происходило.

Иное судебное заседание, иной состав суда и иной свидетель. Судья зачитал фразу из протокола и спросил:

— Свидетель, где и когда вы дали это показание?

— Не помню, ваша честь.— Физиономия свидетеля светилась непорочностью, хоть пиши с него икону.

— Я скажу, где и когда вы дали показание: здесь, в суде, на прошлом заседании.

Хохот зрителей на галерее взорвал тишину зала. Смеялись и судьи. Плакала лишь Фемида, но никто не заметил ее слез: за повязкой не видны глаза богини. Свидетели подвергались запугиванию, шантажу, угрозам, им выплачивали миллионные взятки. Председатель бюджетной комиссии парламента, член ЛДП Сёдзиро Арафунэ подал в отставку, попавшись на обработке свидетеля.

И все же, несмотря на малолюдность скамьи подсудимых, на обструкцию свидетелей, на бессилие, а вернее, нежелание судей докопаться до истины, токийский процесс вполне заслуживает названия «суд века». Социологи наверняка признали бы репрезентативным срез японского правящего класса, представший в лице обвиняемых: премьер-министр, депутаты парламента, генеральный секретарь консервативной партии, глава министерства, президенты гигантских компаний, без которых нельзя вообразить мир японского бизнеса, и ультраправый лидер. Суд рассматривает дело, которое охватывает практически все наиболее распространенные среди японской правящей элиты преступления. Это дача и получение взяток, лжесвидетельство, шантаж и вымогательство, нарушение законов о внешней торговле и о валютных операциях, как на языке японской юриспруденции именуется грабеж государственной казны, уклонение от уплаты налогов. Иными словами, в Токио судят верхушку буржуазного общества за самые отвратительные ее пороки.

На второй день после того, как начались в парламенте слушания по «делу Локхида», группа депутатов от ЛДП собралась в отеле «Хилтон». Настроение у депутатов прямо-таки траурное. Левые газеты изобиловали высказываниями вроде такого: «Мы потрясены отвратительным характером отношений между политиками и «куромаку». Их преступный союз сохранится вечно, если

не вмешается японский народ». Было от чего впасть в панику: у консерваторов нет большего страха, чем перед собственным народом.

Поднялся член верхней палаты Такаси Сато и высказал то, о чем думали все:

— Что принесли допросы? Для выяснения дела ничего. А ЛДП потеряла сегодня несколько миллионов голосов. Устроить допрос в парламенте — крайне безответственное решение. Тот, кто принял его, должен ответить перед партией!

И партия принялась срочно латать ветхое белье, извлеченное на свет в ходе сенатских слушаний в США, парламентских допросов и прокурорского следствия в Японии.

Генеральный секретарь правительства в кабинете Танаки Сусуму Никайдо, получивший от «Локхида» 7 миллионов иен, обвинил в парламенте следственные органы в нарушении прав человека. Это нарушение, как заявил Никайдо, выразилось в опубликовании имен взяточников. «У каждого свой бизнес,— доказывал Никайдо.— И лишать права заниматься им не в принципах свободного и открытого общества». Бизнесом Кодамы были скупка и перепродажа партийных и государственных лидеров. Бизнесом Танаки, Хасимото и самого Никайдо — торговля служебным положением, и если представлялся случай, то и интересами страны.

С Никайдо нельзя не согласиться в одном: общество, в котором возможно такое, действительно свободно — от морали и политической чистоплотности. Это общество и впрямь открытое — в нем преступники открыто прячут концы в воду.

«Политики без денег не существует. И я брал деньги. Что в этом плохого? — поддержал Никайдо другой депутат, соратник по партии и взяточничеству.— Деньги брала вся партия. У нас свободное общество, свободная экономика».

Определенные государственные деятели США действовали заодно с либерально-демократической партией в стремлении скрыть от японского народа правду. Еще в период расследования «дела Локхида» в сенатской подкомиссии американские сенаторы поспешили четко обозначить рамки предстоявших разоблачений. Подкомиссия

преследует цель выяснить противозаконные действия зарубежных фирм, но не зарубежных государственных деятелей, подчеркнули сенаторы. Бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер предупредил подкомиссию: «Подумайте о влиянии, которое могут оказать разоблачения на дружественные нам страны».

В дни сенатских слушаний в Вашингтон прибыл новый японский посол. На первой беседе в госдепартаменте он обратился с просьбой предоставить Японии материалы слушаний, но оговорился, что речь идет только о тех, которые можно обнародовать. Заместитель госсекретаря, принимавший посла, с готовностью согласился. Материалы, которые «можно обнародовать», то есть не наносящие разорительного ущерба ЛДП, были переданы послу. Вместе с тем эти документы, процеженные сквозь частое сито, американский президент Форд сопровождал настоятельным требованием провести тщательную их проверку, прежде чем опубликовать. Требование излишне. Материалы подвергнутся такой «тщательной проверке», что имена всех взяточников или вообще останутся неизвестными, или о них узнает в лучшем случае лишь следующее поколение японцев.

Подобное в Японии уже бывало. И неоднократно. За послевоенные годы 111 депутатов парламента, включая четверых премьер-министров и более десятка членов правительства, оказались замешанными в крупных финансовых и политических злоупотреблениях. Общественность узнала имена ничтожного числа преступников.

«Чтобы избавиться от нарыва коррупции, придется, по-видимому, пожертвовать одной-двумя фирмами или даже одним-двумя правительственными кабинетами», — написал японский журнал «Сэкай суюхо» в связи с «делом Локхиды». Однако и этого не произошло.

За первое полугодие после начала скандала сумма продаж фирмы «Марубэни» сократилась только на 0,3 процента, что совсем не повлияло на общую сумму прибыли. Она возросла на 1,5 процента в сравнении с предшествовавшим полугодием.

Какуэй Танака опять в парламенте. Скамью подсудимых он занимает раз в неделю, оставляя скамью депутатов. Танака появляется на собраниях своей фракции. Визиты по случаю наступления нового, 1978 года ему на-

**Участники митинга в Токио
протестуют против коррупции в правящем лагере
и требуют наказания
всех высокопоставленных взяточников.**

несли 700 политических и экономических деятелей. Танака получил 5600 поздравительных открыток с пожеланиями счастья и успеха в новом году, что означает, скорее всего, успешное для него завершение разбирательства в суде. Отсидка в 1948 году не помешала Танаке сделаться премьером. Помешает ли «дело Локхида»? «Большинство дел о коррупции замазывается следствием на полпути,— признала газета «Йомиури».— И каждый раз корни коррупции уходят все глубже в структуру нашей власти». Танака не теряет надежды вернуться к руководству этой властью.

Поговорка «Нет дыма без огня» существует в разных вариациях у многих народов. Знают ее и японцы. Либерал-демократы по-своему опровергли эту поговорку. Нет и искорки того огня, который газета «Майнити» в номере от 15 марта 1976 года высокопарно назвала «очистительным» и самонадеянно призвала консерваторов обрушить его на японскую политическую систему. Дым валит, но без огня он лишь закоптит систему, оставив ее в неприкосновенности.

У японской Фемиды не только завязаны глаза, но и опутаны ноги. Уйдет неимоверно много времени, пока суд доберется до завершающей стадии — вынесения приговора. Подсчитано, что суд низшей инстанции — тот, что занимается сейчас взяточничеством Кодамы, Танаки и их подручных,— разбирает уголовное дело в среднем 30 месяцев. Еще 40 месяцев требуется суду высшей инстанции. И 66 месяцев дело находится в Верховном суде. Итого более 11 лет. В разных судебных инстанциях находятся 452 важных уголовных дела, возбужденные до 1970 года.

Будут ли наказаны преступники? Предшествующий опыт подсказывает: скорее всего, нет. Наиболее вероятный вердикт: подсудимые достаточно натерпелись за долгое время судебного разбирательства, и нет необходимости лишать их свободы.

Не питает иллюзий относительно завершения «дела Локхида» и японская общественность. Семьдесят четыре процента опрошенных газетой «Асахи» японцев уверены, что всю правду суд так и не вскроет. Пятьдесят восемь процентов участников опроса не верят в изменение политических нравов в Японии и после скандала со взятками

«Локхида». Половина считает коррупцию отличительной чертой политической жизни Японии начиная с первого послевоенного дня.

Большинству японцев, ответивших на анкету газеты, не откажешь в глубоком знании политического быта своей страны. События подтвердили это.

В разгар локхидовского скандала очередной булжник разоблачений всколыхнул консервативное политическое болото. Нобусукэ Киси в бытность премьер-министром вместе с группой консервативных депутатов парламента, образующих так называемое «южнокорейское лобби», получили от южнокорейского режима взятку в миллион долларов за содействие нормализации японо-южнокорейских отношений. В 1965 году, невзирая на решительный протест японской общественности, договор с южнокорейской диктатурой, находившейся в международной изоляции, был подписан.

В 1972 году Япония предоставила Южной Корее заем на 11,8 миллиарда иен для строительства метро. Ныне выяснилось, что цена на подвижной состав, который в счет займа поставлялся Южной Корее, вдвое превышала цену на внутреннем японском рынке. Дело тут немудреное: 30 процентов суммы сделки поделили между собой южнокорейский диктатор Пак Чжон Хи и «южнокорейское лобби» в Токио. Заем Южная Корея получила тогда, когда у власти в Японии находился кабинет Эйсаку Сато — брата Киси.

На этом сенсационность новых фактов высокопоставленного взяточничества заканчивается. Дальнейший список вовлеченных в японо-южнокорейский скандал компаний и лиц хорошо знаком. В японский консорциум, ведавший реализацией займа на строительство метро, входила фирма «Марубэни». Каналом взяток и здесь служили Ёсио Кодама и Кэндзи Осано.

Газета «Иомиури» поместила письмо читателя, в котором говорилось: «Скандал с займом Южной Корее еще раз пригвоздил японскую демократию к позорному столбу». Думается, что для японской демократии скоро не хватит столбов. С апреля 1975 по июль 1976 года в Японии раскрыто 174 случая взяточничества и арестовано 270 коррупционеров. До сих пор под термином «организованная преступность» подразумевалась противоза-

конная деятельность гангстерских и воровских банд. Теперь термину приходится давать гораздо более широкое толкование.

«Я утратил надежду на возможность предотвратить дальнейшее загнивание партии»,— заявил, уходя из ЛДП, Токума Уцуномия, один из старейших ее лидеров. Летом 1976 года ЛДП покинули сразу шесть влиятельных ее членов. «Политическая коррупция порождена не только предрасположенностью к ней в партии и правительстве,— указывалось в их заявлении.— Корни коррупции кроются в идейной и духовной пустоте партийных деятелей». Далее в заявлении говорилось: «Это развал не одной лишь ЛДП. Мы опасаемся саморазрушения либерализма».

Политики, бегущие с терпящего бедствие корабля либерально-демократической партии, выразились неточно. То, что происходит в стане японских консерваторов, не «саморазрушение либерализма», а закономерный и неизбежный процесс разложения политической системы капитализма.

Содержание

СУД В ТОКИО	3
ПИРАТ ПОД ФЛАГОМ «ЧЕРНОГО ДРАКОНА»	7
В ТЮРЬМЕ СУГАМО	15
«ЧЕЛОВЕК ЗА ЧЕРНЫМ ЗАНАВЕСОМ»	20
БИЗНЕС И ПОЛИТИКА	28
ПОЛИЦЕЙСКИЕ И ВОРЫ	35
«ПЕРВАЯ САМОЛЕТНАЯ ВОЙНА»	40
КРЫЛЬЯ «ЛОКХИДА»	44
КУПИТЬ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА	55
ДЫМ БЕЗ ОГНЯ	62

Цветов В. Я.
Ц27 «Человек с тремя лицами». М., Политиз-
дат, 1978.

77 с. с ил. (Владыки капиталистич. мира).

5 февраля 1976 г. газета «Асахи» сообщила о том, что корпорация «Локхид» наняла японца, который ранее обвинялся в военных преступлениях, в качестве своего секретного агента и выплатила ему миллионы долларов, доставлявшиеся в Японию наличными и в чеках. Так начался грандиозный скандал, именуемый «делом Локхида». В нем оказались замешанными бывший премьер-министр, бывшие министры и их заместители, депутаты парламента, руководители крупнейших компаний. Главная фигура скандала — Ёсио Кодама, «человек с тремя лицами», военный преступник, ультраправый лидер, закулисный политический деятель.

В памфлете, написанном журналистом-международником, обнажается тайный механизм власти монополий, невиданные размеры коррупции, неприглядный облик буржуазной демократии.

Брошюра рассчитана на массового читателя.

Ц $\frac{11105-246}{079(02)-78}$ 191—78

33И

Владимир Яковлевич Цветов
«ЧЕЛОВЕК С ТРЕМЯ ЛИЦАМИ»

Заведующий редакцией *В. Т. Пискунов*
Редактор *Е. М. Аветисян*
Младший редактор *В. В. Голоднов*
Художник *Г. Ш. Басыров*
Художественный редактор *С. И. Сергеев*
Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

ИБ № 1119

Сдано в набор 13.03.78. Подписано в печать 30.05.78. А00075.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура
«Литературная». Условн. печ. л. 4,2. Учетно-изд. л. 3,96.
Тираж 300 000 (30 001—300 000) экз. Заказ № 4015.
Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП,
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

В 1978 году
Издательство
политической литературы
выпустит в свет
следующие брошюры
из серии
«Владыки капиталистического мира»

Артамонов А. А.
Тайные тропы «ИТТ»

Бутлицкий А. В.
Бриллиантовый Гарри

Стржижовский Л. Ф.
Стреляет пресса Шпрингера
